

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

—
1897.

Нѣкоторыя данныя для освѣщенія киргизскаго вопроса.

„Законъ гуманности возвѣщаетъ, что если кто знаетъ нѣчто соотвѣтственное обстоятельству на пользу угнетенныхъ, тотъ не можетъ отказываться подать эту помощь, въ особенности же когда дѣло идетъ не объ одномъ лицѣ, но о многихъ, и не только нѣсколькихъ людей, но цѣлыхъ городовъ, провинцій, государствъ и даже всего человѣческаго рода“.

Амосъ Коменскій.

I.

Прошло уже болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ходъ историческихъ событій заставилъ насъ, русскихъ, занять разстилающуюся по берегу Сырь-Дарыи Киргизскую степь и тѣмъ избавить ее отъ набѣговъ кокандскихъ и хивинскихъ хищниковъ. Занятые дальнѣйшими завоеваніями въ Средней Азіи и внутреннимъ устройствомъ нашихъ новыхъ владѣній, мы мало обращали вниманія на жизнь кочевого населенія края. А между тѣмъ поближе ознакомиться съ его жизнью было бы крайне важно уже потому одному, что, во-первыхъ, число кочеваго населенія представляетъ значительный процентъ общаго населенія Туркестанскаго края, а, во-вторыхъ, и потому еще, что скотоводческій промыселъ этого населенія играетъ не маловажную роль въ общемъ народномъ хозяйствѣ Россіи. Кромѣ того, обратить наше вниманіе на жизнь киргизъ необходимо было еще и для того, чтобъ оцѣнить значеніе присоединенія Киргизской степи по тому влиянію, которое мы неминуемо должны были оказать на населеніе ея. Трудно, конечно, категорически отвѣтить на вопросъ, лучше ли стало жить кочевнику съ нашимъ приходомъ или хуже, но нѣкоторыя данныя заставляютъ предположить, что положеніе кочевника должно было измѣниться къ лучшему. Въ самомъ дѣлѣ, избавивъ кочевника отъ набѣговъ коканцевъ и хивинцевъ, прекративъ прежде существовавшіе въ степи ссоры и раздоры различныхъ родовъ между собою,—раздоры, кончавшіеся обыкновенно разграбленіемъ богатствъ одного рода другимъ,—мы тѣмъ самымъ

создали такія условія, которыя должны бы были способствовать мирному занятію кочевника разведеніемъ нужныхъ ему стадъ. Все, казалось, должно бы было способствовать поднятію экономическаго благосостоянія кочевого населенія. Однако, когда появились попытки разобратъся въ хозяйствѣ кочевника-киргиза, то они привели къ совершенно обратному представленію о богатствѣ его. Наболѣе полною попыткой такого обзора является вышедшая въ 1890 г. приложеніемъ къ газетѣ *Окраина* брошюра Н. Васильева *Кочевники Туркестана. Опытъ экономическаго обзора*. Отсутствіе данныхъ о благосостояніи киргизъ до нашего прихода не позволяетъ сказать, насколько измѣнилось съ тѣхъ поръ экономическое положеніе кочевника, но за то приведенныя г. Васильевымъ данныя за время нашего владычества говорятъ объ упадкѣ скотоводства въ степи, а стало быть и о пониженіи экономическаго благосостоянія киргизъ. Такъ въ 1870 г. общее количество головъ скота въ Сырь-Дарьинской области равнялось 6.388,220, въ 1877 г. число это упало до 4.113,999, а въ 1885 г.—до 2.754,700, т.-е. за 15 лѣтъ пониженіе на 132%. Цифры эти говорятъ сами за себя.

Гораздо, однако, большее значеніе въ экономическомъ отношеніи имѣетъ выводъ средняго количества скота, приходящагося на одну кибитку. Выводъ этотъ, сдѣланный г. Васильевымъ по отношенію къ половинѣ семидесятихъ годовъ, когда скотоводство въ степи было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь, болѣе чѣмъ безотраденъ. Богатство одного мурто-владѣльца Сырь-Дарьинской области заключалось тогда въ 36 овецъ, 2,77 верблюдовъ, 2,70 лошадей и 2 юловахъ рогатаго скота, всего же на одно хозяйство приходилось 43,47 юловъ скота различныхъ породъ. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, г. Васильевъ приводитъ для сравненія изъ данныхъ Харизоменова среднія числа о размѣрѣ скотоводства у крымскихъ татаръ земледѣльцевъ: «Во многихъ деревняхъ Феодосійскаго уѣзда, Таврической губерніи, — говоритъ онъ, — для бесплатнаго пользованія общественными выгонами на одинъ дворъ опредѣлена норма въ 8 штукъ крупнаго и 25 штукъ мелкаго скота, а встрѣчаются и такія деревни, гдѣ норма эта восходитъ до 10 головъ крупнаго скота и 80 овецъ». Параллель эта усугубляетъ безотрадный выводъ г. Васильева. Вѣдь для крымскаго татарина-земледѣльца скотоводство лишь подспорье въ хозяйствѣ, тогда какъ для нашего кочевника-киргиза скотъ—*все*. Безотрадность вывода г. Васильева становится еще болѣе очевидной, если отъ средняго достатка киргиза перейти къ среднему годовому доходу и расходу его семьи. Первый выражается въ слѣдующемъ: «два пуда шерсти, шесть бараньихъ тушъ мяса, столько же овчинъ, пятнадцать рублей отъ продажи молодыхъ барановъ (изъ приплода), тахішм—тридцать рублей въ годъ отъ караванной перевозки товаровъ да молочныхъ продуктовъ не болѣе того, сколько требуется для удовлетворенія потребностей семьи. Сверхъ этого скотоводъ ни на что болѣе рассчитывать не можетъ». Изъ этого годового дохода на уплату податей, на покупку хлѣба и одежды киргизъ можетъ располагать только 45 рублями, «полученными имъ отъ извознаго промысла и отъ продажъ

молодых барановъ». Шерсть же и овчины необходимы ему для собственных потребностей и могут идти на продажу только въ исключительныхъ случаяхъ, т.-е. при безвыходномъ положеніи. Обращаясь къ цифрѣ годового расхода кочевника, неминуемо приходишь къ заключенію, что эти исключительные случаи представляютъ не что иное какъ постоянное явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, по расчету г. Васильева, каждый юрто-владѣлецъ съ своей семьей долженъ тратить: на покупку хлѣбной пищи 24 рубля, на одежду 30 рублей, да сверхъ того различныхъ податныхъ платежей 9 р. 25 к.; обязательный годовое расходъ его стало бы равняться 63 р. 25 к. Принимая же во вниманіе, что киргизъ можетъ располагать только 45 р. годового дохода, слѣдуетъ заключить, что ежегодный дефицитъ простирается до 18 рублей, для покрытія котораго, онъ долженъ продавать и шерсть и овчины. А въ такомъ случаѣ онъ лишаетъ себя возможности обновлять кошмы своей юрты и долженъ урѣзывать свои потребности болѣе чѣмъ до *minimum'a*. Понятно, что такія условія неминуемо должны вести къ разоренію кочевниковъ. Данные официальной статистики вполне подтверждаютъ это. Въ 1872 г. въ Сыръ-Дарьинской области игинчей, т.-е. окончательно лишившихся скота киргизъ, было 39,945, а въ 1877 г.— 53,439. За пять лѣтъ число ихъ возросло болѣе чѣмъ на 33%.

Такимъ образомъ трудъ г. Васильева, представляющій первую попытку подвести итогъ хозяйству кочевника-киргиза, приводитъ къ крайне печальному заключенію, что нашему номаду живется болѣе чѣмъ плохо. Безысходная нужда опутала его съ ногъ до головы и, ежегодно, не могущихъ болѣе бороться съ нею выбрасываетъ изъ числа самостоятельныхъ хозяевъ въ число немущихъ игинчей, этого пролетаріата Киргизской степи. Такое положеніе кочевниковъ выдвигаетъ на первый планъ киргизскій вопросъ, т.-е. вопросъ объ улучшеніи быта нашихъ номадовъ. Вопросъ этотъ не утратитъ своей жгучести даже и при томъ условіи, если болѣе точныя статистическія данныя смягчатъ безотрадный выводъ г. Васильева, такъ какъ чуть не каждая зима вноситъ въ степь все большее и большее разореніе. Разрѣшеніе этого вопроса составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ нашей культурной миссіи въ Средней Азій.

Но чтобы придти къ болѣе правильному рѣшенію столь существеннаго вопроса, необходимо изслѣдовать его возможно глубже, необходимо отыскать тѣ причины, которыя привели кочевника въ такое печальное положеніе, потому что положеніе это не случайное явленіе, а продуктъ какаго-то скрытаго, неустанно совершающаго свою разрушительную работу, недуга. Экономическія неурядицы въ степи—это своего рода болѣзнь, къ лѣченію которой надо приступить точно такъ же, какъ врачъ приступаетъ къ лѣченію болѣзней.

Отчего же пришло въ такое безотрадное положеніе пастушеское хозяйство кочевника-киргиза? Какіе такіе микробы гнѣздятся на немъ, не даютъ ему оправиться и «какъ тысячепудовая гиря тѣснятъ и давятъ его?» Есть ли выходъ изъ современнаго состоянія киргизскаго хозяйства, или оно без-

выходно, и намъ остается только опустить руки и съ содроганіемъ слѣдить за предсмертной агоніей скотоводческаго хозяйства киргизъ? А если это положеніе не безвыходно, то гдѣ пути къ выходу?

Все это вопросы не праздные. Съ каждымъ годомъ они даютъ себя чувствовать все больше и больше, потому что суровая дѣйствительность съ каждымъ годомъ увеличиваетъ число пролетаріевъ степи, игинчей, уменьшая въ то же время число самостоятельныхъ хозяевъ-скотоводовъ.

Г. Васильевъ, коснувшись вопроса объ объединѣніи киргизовъ, не могъ не остановиться на отысканіи причинъ этого объединѣнія и причинъ къ заключенію, что безотрадное положеніе киргизскаго хозяйства есть «простой результатъ условій, созданныхъ въ значительной степени нами же самими», а условія эти, пополняя одно другое, составляютъ роковое «нѣчто», что губительнымъ образомъ вліяетъ на хозяйство киргизъ. При разложеніи же на составныя части это «нѣчто» заключается, во-первыхъ, «въ полной беззащитности каждаго отдѣльнаго индивидуума передъ лицомъ общества, аула, волости, туземной администраціи» и, во-вторыхъ, «во внезапной замѣнѣ натуралистическаго хозяйства, съ общимъ счетомъ на скотъ, хозяйствомъ денежнымъ, что особенно рѣзко сказалось въ системѣ податной, смѣнившей собою прежній закветъ». Кромѣ этихъ главныхъ условій киргизскаго объединѣнія, г. Васильевъ указываетъ еще и на другія, а именно: изъ года въ годъ повторяющіеся падежи скота отъ зимней безкормицы (въ сѣверныхъ уѣздахъ степи), сокращеніе съ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги караванной транспортировки кладей и прекращеніе многихъ другихъ побочныхъ заработковъ, доставлявшихъ въ прежнее время киргизу не маловажное подспорье въ его хозяйствѣ. Но главное значеніе въ объединеніи киргизъ г. Васильевъ придаетъ первымъ двумъ условіямъ и въ устраненіи ихъ видитъ рѣшеніе киргизскаго вопроса. «Пусть только степнякъ, — говоритъ онъ, — немного отдохнетъ отъ прижимокъ волостныхъ тузовъ, вырвется изъ цѣпкихъ объятій процентщика, найдетъ правосудіе среди бѣевъ и не будетъ поставленъ въ необходимость гнать на сосѣдній базаръ послѣднюю овцу—и тогда все быстро измѣнится къ общей выгодѣ: въ государственное казначейство потекутъ умножившіеся сборы, наши мѣстные рынки оживятся усилившимся спросомъ на ситцы и другія россійскія издѣлія, необходимыя киргизу, а въ широкой степи разольются рѣкою довольство и радость. Тогда, мѣрно покачиваясь на сытомъ верблюдѣ, киргизъ затянетъ, быть можетъ, и другую—веселую пѣсенку, а не ту заунывную, шемающую за сердце, какую вѣчно поетъ онъ теперь, словно плачетъ по покойникѣ».

Этотъ краткій абрисъ программы для рѣшенія киргизскаго вопроса на практикѣ долженъ развернуться въ крайне сложную систему дѣйствій государства; не будетъ ли достигнута при этой системѣ поставленная г. Васильевымъ цѣль? Мнѣ кажется, что осуществленіе только указанныхъ г. Васильевымъ мѣропріятій, т.-е. воздѣйствіе государства на соціальный строй, врядъ ли приведетъ къ желаемому результату, потому что причины

выставляемые имъ я не могу признать главными, «тяготѣющими надъ хозяйствомъ нашего пастуха и не дающими ему оправиться». Не въ нихъ главный корень киргизскаго обѣднѣнія, и устраненіе ихъ не повлечетъ за собою быстрое улучшеніе экономическаго положенія киргизъ.

Чтобы подтвердить свое мнѣніе о томъ, что причины, указываемыя г. Васильевымъ, не суть самыя главные, остановлюсь нѣсколько на разборѣ мнѣній упоминаемаго автора.

Поставивъ на первый планъ «полную беззащитность каждаго отдельнаго индивидуума предъ лицомъ общества: аула, волости, туземной администраціи»—г. Васильевъ видитъ происхожденіе этой беззащитности въ перемѣнѣ политическаго строя, т.-е., главнымъ образомъ, въ паденіи «рода, какъ политико-экономической единицы, хранившей и оберегавшей каждаго отдельнаго члена въ своихъ же собственныхъ интересахъ». Въ результатъ такой перемѣны—«смуты и раздоры, проявлявшіеся раньше въ грубой, всѣмъ видимой формѣ, теперь принявъ только иной видъ, разбивались на безконечный рядъ мелкихъ, личныхъ счетовъ, претензій, попытокъ построить свое благосостояніе на разореніи другого. Лучше другихъ одаренный устменно и физически субъектъ, который въ прежнюю пору сталъ бы богатыремъ или искателемъ выгодныхъ ему приключеній, теперь, оставаясь мирнымъ номадомъ, употреблялъ все свое превосходство для того, чтобы добиться во что бы то ни стало власти надъ окружающими и приумножить черезъ то свой достатокъ». Хотя авторъ и признаетъ далѣе, что стремленія однихъ личностей построить свое благополучіе на разореніи другихъ—явленія самыя заурядныя, повсюду встрѣчающіяся, тѣмъ не менѣе находить необходимымъ указать на это явленіе, такъ какъ «въ то время, какъ повсюду себялюбивые порывы отдельныхъ личностей сдерживаются до нѣкоторой степени и общественнымъ мнѣніемъ и функціею органовъ правосудія, а подчасъ и контролемъ административной власти,—здѣсь, въ нынѣшней Киргизской степи подобные порывы необузданы, ничѣмъ не сдерживаются и не смягчаются». Мысль эта подкрѣпляется сравненіемъ положенія русскаго крестьянина съ положеніемъ кочевника—киргиза, и въ результатъ такого сравненія оказывается, что въ то время, какъ въ борьбѣ съ кулакомъ первый для восстановленія «спокойнаго пользованія своими правами» можетъ «располагать, кромѣ сельскаго схода, часто очень чуткаго къ правдѣ, еще и услугами «непремѣннаго члена», мирового судьи, мѣстами мирового посредника, своего гласнаго, а не то и члена управы»,—киргизу негдѣ искать защиты, потому что «туземные органы правосудія пройдены взяточничествомъ и криводушіемъ; туземная исполнительная власть вся поглощена заботами о точномъ исполненіи многообразныхъ предписаній, нарядовъ да своевременному сдачею въ казначейство причитающейся суммы сбора». Эта параллель разрушаетъ убѣдительность умозаключеній автора и позволяетъ указанную имъ беззащитность личности изъ числа первостепенныхъ причинъ обѣднѣнія киргизъ отнести въ разрядъ второстепенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ: точно ли нашъ русскій мужикъ наслаждается

тѣми идеальными порядками, которые указаны въ упомянутой параллели? Точно ли онъ находитъ для себя защиту отъ притѣсненій кулака? Точно ли его положеніе такъ рѣзко отличается отъ положенія кочевника киргиза? И наоборотъ, не сходны ли въ дѣйствительности ихъ положенія? Приведу одинъ фактъ, поразительно доказывающій это сходство.

Въ статьѣ г. Слонимскаго *Вопросы поземельной политики* (Вѣстн. Евр. 1890 г. X) между другими фактами печальной исторіи Пантелѣевскихъ крестьянъ Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи, находится и слѣдующій о продажѣ имѣнія одного крестьянина: «Все имѣніе, заключающееся въ сдворочномъ огородномъ мѣстѣ и деревянныхъ постройкахъ, какъ-то: избѣ, хлѣбѣ, амбарѣ и дворѣ,—оцѣнено судебнымъ приставомъ въ 25 рублей, съ которой суммы и долженъ былъ начаться торгъ для удовлетворенія иска крестьянина Катова въ суммѣ 105 руб. 39 коп. съ процентами. Явились торговаться взыскатель Катовъ съ двумя товарищами. Катовъ предложилъ 26 рублей, другой—27 руб., третій надбавилъ полтинникъ; оба послѣдніе отказались отъ дальнѣйшаго участія въ торгахъ, и все имѣніе осталось за Катовымъ за 28 рублей,—огородное мѣсто и деревянныя постройки: изба, хлѣбъ, амбаръ и дворъ. Это, конечно,—заключаетъ г. Слонимскій,—не публичный торгъ, а публичный грабежъ, совершенный съ соблюденіемъ виѣшнихъ формъ законности; судебныя власти являются какъ бы простыми исполнителями хищническихъ комбинацій Катовыхъ».

Можно бы было привести и еще много подобныхъ же фактовъ, но, думаю, достаточно и одного,—даже слишкомъ достаточно,—чтобы видѣть, что русскій крестьянинъ такъ же беззащитенъ, какъ и киргизъ. Эта беззащитность красною нитью проходитъ черезъ всю исторію Пантелѣевскихъ крестьянъ; ею же полна и каждая деревня.

Я не отрицаю продажности киргизскихъ органовъ правосудія и туземной администраціи, но не вижу въ этомъ одной изъ главныхъ причинъ обѣдѣнія киргизъ,—причинъ «тяготѣющихъ надъ хозяйствомъ нашего пастуха и не дающихъ ему оправиться». Какъ въ русской деревнѣ главными препятствіями развитію благосостоянія крестьянина нужно считать малоземелье въ связи съ низкимъ уровнемъ сельско-хозяйственной техники, такъ и въ Киргизской степи есть нѣчто такое, что именно и не даетъ кочевнику-скотоводу подняться и оправиться. Кулаки же міроѣды, процентщики, взяточники бѣи и волостные управители—это только микробы, паразиты, благополучно развивающіеся и укрѣпляющіеся на почвѣ общаго неблагоденствія. Чтобы защитить челоѣка отъ кулака, отъ прижимокъ волостныхъ тузовъ и отъ неправосудія бѣевъ, мало опеки и административнаго контроля: для этого надо создать такія условія, которыя сами бы по себѣ препятствовали развитію кулачества и другихъ невзгодъ, связанныхъ съ плохимъ экономическимъ бытомъ населенія.

Повторяю: нисколько не отрицая беззащитности киргизъ, я не могу считать ее одною изъ основныхъ причинъ киргизскаго обѣдѣнія, какъ не могу также приписывать слишкомъ большое значеніе и теперешней подат-

ной системѣ, смѣнившей прежній закятъ. Конечно, закятъ, взимаемый натурою въ видѣ опредѣленнаго процента съ имѣющихся у киргизъ стадъ, былъ для него менѣе обременителенъ, чѣмъ существующіе теперь сборы, тѣмъ болѣе, что съ киргиза, имѣвшаго менѣе 40 головъ скота, онъ вовсе не взимался,—но, все-таки, упадокъ скотоводства въ степи не можетъ вытекать изъ необходимости ради уплаты податей продавать чуть не послѣднюю овцу. Наоборотъ, необходимость такой продажи является лишь результатомъ общаго экономическаго разстройства и служитъ показателемъ обѣднѣнія киргизъ,—показателемъ отсутствія у киргиза другихъ способовъ для приобретѣнія тѣхъ 9 руб. 25 коп., которые нужны ему для уплаты различнаго рода податей. Необходимость продажи скота за безцѣнокъ для своевременной уплаты податей можетъ быть смѣло поставлена въ параллель необходимости русскому крестьянину для той же цѣли продавать за безцѣнокъ урожай послѣдняго года.

Какъ беззащитность киргиза, такъ и обременительность для него существующей податной системы, по моему мнѣнію, не причины современнаго экономическаго разстройства киргизъ, а лишь, такъ сказать, усугубляющія вину обстоятельства, вызванныя въ жизни болѣе скрытыми факторами, подобными малоземелью и слабости сельско-хозяйственной техники въ Европейской Россіи.

Отыскать эти скрытые факторы необходимо, потому что безъ знанія ихъ не возможны никакія мѣропріятія, вносящіяся къ улучшенію быта киргизъ-кочевниковъ. Если же оставить дѣло въ такомъ положеніи, въ какомъ оно находится въ настоящее время, то въ концѣ-концовъ придется бороться уже не съ обѣднѣніемъ киргизъ, а съ поголовною нищетою, такъ какъ скотъ для кочевника—все, и съ потерей его, при отсутствіи путей къ другому строю экономическаго быта, ему грозитъ нищета, въ какомъ выпадаютъ теперь совершенно лишившіеся скота пролетаріи степи—игнанти.

II.

Чтобы ближе подойти къ отысканію этихъ факторовъ, коснусь одного изъ тѣхъ условій киргизскаго обнищанія, которое г. Васильевъ считаетъ второстепеннымъ, а потому и затрогиваетъ въ своей статьѣ крайне слабо. Я говорю объ уронахъ скота въ суровыя снѣжныя зимы, влекущія за собою всѣмъ извѣстный джуть. Г. Васильевъ, признавая вполне пагубнымъ вліяніе суровыхъ снѣжныхъ зимъ, не соглашается съ общераспространеннымъ мнѣніемъ, что джуть является корнемъ киргизскаго обѣднѣнія, потому что, говоритъ онъ, «буранъ, гололедица, какъ враги нашего пастуха, существовали въ данной мѣстности искони, съ большими или меньшими колебаніями изъ года въ годъ; какъ разоряютъ они его теперь, такъ же точно разоряли они его и раньше, до прихода русскихъ. Утверждать, будто въ нынѣшнее время зимы стали суровѣе или киргизы сдѣлались беззащитнѣе противъ вреднаго ихъ воздѣйствія на стада, было бы болѣе чѣмъ

странно». Сославшись же на отсутствіе въ настоящее время того ряда разрушительныхъ факторовъ *), которые въ прежнее время разоряли киргиза, г. Васильевъ приходитъ къ заключенію, что «убыль скота отъ зимней безкормицы должна бы съ избыткомъ покрываться прибылью отъ множества благоприятныхъ скотоводству факторовъ». А такъ какъ послѣ присоединенія Киргизской степи не видно улучшенія экономическаго благосостоянія нашихъ номадовъ, то г. Васильевъ приходитъ къ заключенію, что объединѣніе киргизъ находится въ зависимости отъ чего-то другого, выступившаго въ послѣднее время. Въ чемъ же видитъ онъ это другое, я указалъ въ предыдущей главѣ. О роли джута въ киргизскомъ разореніи почтенный авторъ упоминаетъ только вскользь, тогда какъ этому бичу киргизскихъ стадъ слѣдовало бы удѣлить больше мѣста,—во-первыхъ, потому, что, за отсутствіемъ строго-научныхъ данныхъ, объ экономическомъ благосостояніи киргизъ до присоединенія степи, мы ровно ничего не знаемъ и потому не можемъ съ увѣренностью сказать, лучше ли имъ жилось или хуже; а во-вторыхъ, и потому еще, что джутъ, бывший бичомъ для киргизъ до присоединенія степи, остался имъ и послѣ ея присоединенія, производя на нашихъ глазахъ страшныя опустошенія. Мнѣ кажется, на джутъ надо смотрѣть точно такъ же, какъ на неурожай въ Европейской Россіи, хотя причины того и другого нѣсколько разныя. Въ то время какъ учащающіеся въ Европейской Россіи неурожай зависятъ отъ стихійныхъ условій, отъ экономической неправды и отъ разоренія природныхъ богатствъ, бѣдствія джута коренились и коренятся до сихъ поръ, помимо стихійныхъ условій еще и въ отсутствіи природныхъ богатствъ, а не въ разореніи ихъ, потому что и разорять-то вѣдь нечего. Съ другой стороны, разница между джутомъ и неурожаемъ заключается и въ послѣдствіяхъ, коренившихся въ самыхъ условіяхъ скотоводческаго и земледѣльческаго труда. Пшеница или рожь даютъ при благоприятныхъ условіяхъ урожай, въ нѣсколько разъ превышающій количество посѣяннаго зерна, овца же болѣе двухъ ягнятъ въ годъ не приноситъ, а потому послѣдствія неурожайнаго года могутъ быть при благоприятныхъ условіяхъ сглажены двумя урожайными годами; послѣ же падежа скота количество послѣдняго можетъ достигъ первоначальнаго размѣра только чрезъ нѣсколько благополучныхъ лѣтъ.

*) Факторами, вредившими въ прежнее время скотоводству у киргизъ, г. Васильевъ считаетъ: 1) крайнюю степень общественной дезорганизации, достигшей апогея при Худоляръ-ханѣ, когда беки и другія крупныя должностныя лица беззастѣнчиво грабили и народъ, и казну; 2) раздоры и старые счеты между родами и когѣнами кочевниковъ, выражавшіеся съ одной стороны въ барантѣ, а съ другой—въ побѣгахъ обижаемыхъ, когда скотъ безпорядочно угонялся подалѣе и, конечно, сильно страдалъ отъ этого, а подчасъ и вовсе уничтожался, и 3) военныя экспедиціи русскихъ отрядовъ для наказанія грабителей торговыхъ каравановъ, когда для возмѣщенія убытковъ купцовъ и расходовъ по реквизиціи часто у мирныхъ кочевниковъ забирались тысячи головъ скота.

Насколько медленно поправляются стада киргизъ послѣ суровыхъ зимъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ *Обзоровъ Тургайской области*. Въ 1878 г. считалось въ области 3.576,471 гол. скота, причемъ на каждого юрто-владѣльца приходилось по 56 головъ. Зима 1879—80 г. была одною изъ наиболѣе суровыхъ и нанесла киргизскому скотоводству весьма чувствительный ударъ: пало во всей области около 42%, всего скота. Въ 1881 г., черезъ годъ послѣ этого падежа, на каждого юрто-владѣльца приходилось уже только 27 головъ, въ 1882 г.—30 гол., а въ 1889 г.—42 головы. Такимъ образомъ, даже въ десятилѣтній періодъ хозяйство кочевника-киргиза не достигло того уровня, на которомъ оно стояло предъ зимой 1879—80 г. Таково положеніе въ одной изъ лучшихъ областей, богатой кормовыми средствами. Что же должно было происходить въ областяхъ болѣе бѣдныхъ кормомъ? Въ этомъ же 1879—80 г. въ четырехъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области (Перовскомъ, Туркестанскомъ, Чимкентскомъ и Аулиестинскомъ) пало 56% скота, въ Перовскомъ—56%, Туркестанскомъ—59%, Чимкентскомъ—67% и Аулиестинскомъ—47% *). И бѣдствіе было настолько велико, что, по словамъ г. Смирнова, «киргизы, истребивъ въ степяхъ трупы павшихъ животныхъ, толпами шли къ осѣдлымъ пунктамъ, погибая на дорогѣ отъ истощенія, холода и голода». Помимо этого, сошлюсь еще на приводимый г. Васильевымъ фактъ исчезновенія послѣ джута 1879—80 г., въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области. 2,000 кибитокъ, т.-е. 2,000 платежныхъ единицъ. Часть этихъ 2,000 семей, быть можетъ, погибла отъ голода, часть откочевала въ другія области или въ сосѣднія ханства, но значительная ихъ доля пополнила собою ряды растущаго пролетариата степи.

Такіе жестокіе удары мачихи-природы заставляютъ киргиза съ тревогой ожидать наступленія зимы и особенно зимы «куянь-джия», т.-е. зимы въ годъ зайца, который всегда, по наблюденіямъ киргизъ, отличается суровостью зимы и сопровождается джутомъ. Въ данномъ случаѣ суевѣрный страхъ киргизъ передъ наступленіемъ зимы «куянь-джия» основывается на цѣломъ рядѣ народныхъ наблюденій. Надо замѣтить, что наибольшую мѣрой времени у киргизъ считается «мучель», равняющійся двѣнадцати годамъ, которые носятъ названія различныхъ животныхъ. Первый годъ мучели называется мышъ, второй—корова, третій—тигръ, четвертый—заяцъ, пятый—крокодилъ, шестой—змѣя, седьмой—лошадь, восьмой—баранъ, девятый—паукъ, десятый—курица, одиннадцатый—собака и двѣнадцатый—свинья. Киргизы подмѣтили тотъ фактъ, что четвертый годъ мучели, годъ зайца (куянь-джия), всегда сопровождается суровою зимою и джутомъ, какъ слѣдствіемъ ея. Фактъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ и нашими европейскими учеными замѣчена почти такая же періодичность температуръ. Такъ Д. Менделѣевъ, редактируя по-

*) См. ст. Мельниченко: „Народныя бѣдствія въ Сыръ-Дар. обл. въ 1-й полов. 1880 г.“. *Сборн. мат. для статистики Сыръ-Дар. обл.* Т. II, Ташкентъ, 1892 г.

реводъ *Метеорологіи* Мона, въ одномъ мѣстѣ даетъ слѣдующее примѣчаніе: «замѣчена одиннадцатилетовая періодичность солнечныхъ пятенъ и соответственная ей 11-ти годовая періодичность температуръ. Особенно ясно совпаденіе подъ тропиками; начиная съ 1833 г. наблюденій температуръ много и онѣ хорошо соответствуютъ наблюденіямъ надъ періодами солнечныхъ пятенъ. Въ умѣренныхъ странахъ соответствіе есть, но оно выражено менѣе рѣзко» *).

Быть можетъ, при развитіи метеорологическихъ наблюденій въ Средней Азіи и примѣты киргизъ подвергнутся тщательной провѣркѣ. Въ настоящее же время извѣстны нѣкоторые факты, подтверждающіе справедливость киргизскихъ тревогъ. Такъ наиболѣе суровые годы въ настоящемъ столѣтіи (конечно, не въ одинаковой степени суровости), падаютъ на годы зайца, именно: 1819, 1831, 1843, 1855, 1867 и 1879, изъ нихъ 1855 и 1879 сопровождались страшнымъ дождемъ (о размѣрахъ джута 1879 г. я сказалъ выше), 1891 г., тяжелою грозой пронесшійся надъ Россіей, былъ также годомъ зайца и не прошелъ безслѣдно надъ Киргизскою степью. Нѣсколько фактовъ, появившихся въ газетахъ, указываютъ, что явленія джута были въ Прииртышской степи (см. *Турк. Вѣд.* 1892 г., № 5), въ степи по Эмбѣ (см. *Недѣля* 1892 г., № 6) и, наконецъ, въ Казалинскомъ уѣздѣ. Въ послѣднемъ киргизы, зимовавшіе въ Кара-Кумахъ, потеряли 90% лошадей, 80% барановъ и 60% верблюдовъ (см. *Турк. Вѣд.* 1892 г., № 15). Но уронъ скота отъ зимней безкормицы не ограничивается только этими годами зайца. Скотъ гибнетъ отъ безкормицы чуть не каждую зиму, выражаясь мѣстами въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Такъ въ зиму 1888—89 г. казалинскіе киргизы были застигнуты буранами, не успѣвъ еще переправиться со своими стадами на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, гдѣ заросли саксаула служатъ имъ обыкновенно болѣе или менѣе надежнымъ оплотомъ противъ зимнихъ бурановъ. Вслѣдствіе такихъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ у казалинскихъ киргизъ изъ 552,930 головъ пало 56,970, т.-е. болѣе 10%.

Выше я приводилъ данныя изъ обзоровъ Тургайской области, о томъ, какъ медленно поправлялось хозяйство киргизъ скотоводовъ послѣ зимы 1879—80 г. Если же это крайне медленное улучшеніе экономическаго благосостоянія киргизъ будетъ еще получать такіе удары мачихи-природы, какой получили казалинскіе киргизы въ зиму 1888—89 г., то повѣрно, что скотоводческое хозяйство киргизъ постоянно должно идти къ упадку. При такомъ же хроническомъ оскуднѣніи киргизскаго хозяйства всѣ тѣ условія, которыя г. Васильевъ считаетъ главными причинами обѣднѣнія и которыя я привелъ въ предыдущей главѣ, должны явиться усиливающимъ вину обстоятельствами. Борясь съ этими социальными-экономическими условіями, мы развѣ только немного замедлимъ киргизское обѣднѣніе, но не устранимъ его вовсе.

*) См. Мона: „Метеорологія или ученіе о погодахъ“. Стр. 26. Примѣчаніе.

Этимъ я не хочу сказать, что борьба противъ киргизскаго обѣдѣнія безсильна. Нѣтъ, борьбу эту нужно вести какъ противъ этихъ социально-экономическихъ условій, такъ и противъ главнаго врага киргизскаго скотоводства—природы-мачихи, такъ жестоко бичующей киргиза, этого истиннѣ безправнаго и безсильнаго раба природы.

Но какъ же бороться съ такимъ суровымъ врагомъ, котораго нельзя ни смягчить слезами, ни застрашать томою Уложенія о наказаніяхъ и который самъ—себѣ господинъ?

Да, природу-мачиху ничѣмъ не умиловивши, ее ничѣмъ не устрашишь, ей ничто не прикажешь, и, тѣмъ не менѣе, борьба съ нею не безцѣльна. Вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ появился на земномъ шарѣ человѣкъ, для него началась эпоха непрерывной борьбы съ природой,—борьбы, постоянно увѣнчивающейся новыми и новыми успѣхами. Эта неустанная борьба проходитъ красною нитью черезъ всю исторію человѣческой культуры. Начинаясь съ утилизациі дубины, какъ охотничьяго оружія, и кончаясь новѣйшими успѣхами въ электро-техникѣ, борьба эта представляетъ самыя свѣтлыя страницы въ исторіи человѣчества. И если въ этой исторіи есть мрачныя страницы, то это страницы, трактующія о борьбѣ не съ природой, а о борьбѣ человѣка съ человѣкомъ. Конечно, страницы эти омрачаютъ собою и искажаютъ очень часто смыслъ того, что человѣкъ завоевалъ у природы, но, вѣдь, придетъ же, наконецъ, время, когда человѣчество, побѣдивъ само себя во имя человѣчества же, загладитъ всѣ эти мрачныя страницы своей исторіи. Стремленіемъ къ этому свѣтлому будущему человѣчества проникнуты всѣ лучшіе умы; стремленіе это составляетъ главную цѣль прогрессивныхъ дѣятелей всѣхъ странъ и народовъ. Но для практическихъ результатовъ необходимо имъ сообразоваться съ условіями времени и мѣста.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ условій мѣста, которыя представляютъ благодатную почву для опустошеній джута и изучить которыя намъ нужно для борьбы съ нимъ, остановлюсь на описаніи тѣхъ способовъ, какими киргизы ведутъ борьбу съ природой за цѣлость и невредимость своихъ стадъ.

Костенко, въ своемъ сочиненіи *Туркестанскій край и водвореніе въ немъ русской гражданственности*, говорить, что «главнѣйшія препятствія къ разведенію скота въ Средней Азіи состоятъ въ томъ, что для него не имѣется никакихъ помѣщеній или загоновъ. Только осѣдлые жители дѣлаютъ кое-какія загороди; у кочевника же скотъ круглый годъ располагается подъ открытымъ небомъ». Благодаря такимъ условіямъ, «отъ бурановъ овцы гибнутъ тысячами: застигнутыя врасплохъ непогодю животныя загоняются вѣтромъ въ сугробы, въ овраги, гдѣ онѣ засыпаются снѣгомъ и погибаютъ прежде, чѣмъ буранъ уймется». «Чтобы защитить свои табуны отъ зимнихъ стужъ и бурановъ,—говоритъ далѣе Костенко,—киргизы стараются расположиться своими зимними кочевками либо въ лѣсу, кустахъ и камышахъ, либо въ лощинахъ среди песчаныхъ бугровъ. Только

ндрѣдка, для укрытія отъ стужъ телятъ и ягнятъ, они устраиваютъ небольшіе загоны изъ плетня или выкапываютъ ямы, накрываемыя камышомъ».

Однако при ближайшемъ знакомствѣ съ Киргизскою степью способы борьбы киргизъ съ природою представляютъ гораздо больше разнообразій, чѣмъ ихъ указываетъ г. Костенко. Эти разнообразія, которыя мнѣ пришлось наблюдать отъ г. Орска до г. Казалинска въ началѣ зимы 1888—89 г., можно свести къ двумъ рѣзко отличающимся и рѣзко разграниченнымъ географически типамъ. Это — два типа зимовокъ, о которыхъ я говорилъ еще въ 1889 г. (см. ст. *Отъ Орска до Казалинска, — Турк. Вѣд.* 1889 г., №№ 36 и 43).

Одинъ изъ этихъ типовъ встрѣчался мнѣ въ степи между Орскомъ и Иргизомъ, а другой — между Иргизомъ и Казалинскомъ. Позволю себѣ вновь остановиться на характерныхъ чертахъ этихъ двухъ типовъ.

Главную черту перваго типа представляютъ сѣрыя глинобитныя мазанки въ два или три окна, окруженныя цѣлымъ лабиринтомъ сараевъ, вблизи которыхъ стоятъ высокіе стога сѣна, запасеннаго на то время, когда невозможно держать скотъ на подножномъ кормѣ. Въ упомянутой выше замѣтѣ своей я довольно подробно останавливался на описаніи жилищныхъ построекъ киргизъ, указавъ на замѣченное мною разнообразіе ихъ. Точно такое же разнообразіе замѣчается и въ устройствѣ загонныхъ для скота, смотря по достатку и силамъ киргизской семьи. Мѣстами загоны эти представляютъ громадный сарай, раздѣленный множествомъ перегородокъ на отдѣльныя помѣщенія для каждаго рода скота. Рядъ такихъ смежныхъ сараевъ окружается либо глинобитнымъ дуваломъ, либо ивовымъ плетнемъ, либо камышевой изгородью, либо, наконецъ, изгородью изъ колючки, смотря по тому, какой матеріалъ находится подъ рукою. Занимая собою иногда почти весь дворъ, сараи эти въ другихъ мѣстахъ не многочисленны и устраиваются только для барановъ и слабыхъ молодыхъ верблюжатъ и телятъ съ ихъ матками, прочій же скотъ располагается подъ открытымъ небомъ внутри камышовой или какой другой изгороди. Наконецъ, приходилось встрѣчать не сараи и загоны, а лишь ямы для мелкаго скота, вырытыя въ землѣ и закрытыя сверху жердями и снопами колючки и другой какой сухой травы, служащими въ то же время запасомъ топлива.

Всѣ эти загоны, сараи и ямы служатъ скоту для ночлега, а въ случаѣ бурановъ и болѣе или менѣе долговременнымъ жилищемъ. Запасы сѣна тратятся только въ случаѣ сильныхъ бурановъ, глубокаго снѣга и гололеда, когда ни овцы, ни крупный скотъ не выгоняются на тебеневку, а остаются внутри зимовки въ своихъ загонахъ.

Совершенно другой типъ представляютъ зимовки киргизъ въ степи южнѣе г. Иргиза. Въ то время какъ вышеописанныя зимовки представляютъ болѣе или менѣе долговременное жилище, могущее прослужить нѣсколько лѣтъ, зимовки втораго типа представляютъ лишь временное кочевье. Находясь гдѣ-нибудь въ лощинѣ, такое временное кочевье состоитъ

изъ нѣсколькихъ юртъ, расположенныхъ по окраинѣ круга или многоугольника. Все пространство, заключенное между юртами, окружается чievымъ заборомъ, идущимъ отъ юрты къ юртѣ. Внутренность такого двора очищается отъ снѣга, взрыхляется кетигениями. Также взрыхляется земля и внѣ чievой изгороди. Во дворъ загоняются на ночь козы и овцы, а внѣ изгороди на взрыхленной землѣ ложатся верблюды и другой крупный скотъ. Молодые же ягнята, вмѣстѣ со своими матками, слабыя и больныя овцы, верблюжата и телята ночуютъ въ юртѣ вмѣстѣ съ людьми. О какихъ бы то ни было запасахъ сѣна нѣтъ и помину, и понятно, что скотъ, находясь исключительно на подножномъ кормѣ, при внезапно наступившихъ буранахъ, гибнетъ отъ голода, что и случается почти каждую зиму.

Въ дополненіе къ этимъ моимъ личнымъ наблюденіямъ приведу еще слѣдующія строки изъ статьи *О скотоводствѣ у киргизъ Западной Сибири*, составленной по рукописнымъ запискамъ г. Черманова, родомъ киргиза, знатока внутреннего быта западно-сибирскихъ кочевниковъ (статья эта была помѣщена въ 1883 г. № 1 журнала *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство*):

«Мѣста для зимовокъ избираются съ большимъ вниманіемъ и въ выборѣ ихъ кочевники обнаруживаютъ много наблюдательности и снѣтливости. Первымъ вопросомъ въ этомъ дѣлѣ является, разумѣется, вопросъ о зимнемъ продовольствіи громадныхъ стадъ скота. Поэтому предпочитаютъ мѣстности, гдѣ есть травы и естественная защита отъ вѣтровъ и снѣговъ, наприм. пролѣски, камышевыя заросли, пространства при подошвѣ возвышенностей, отлогости близъ рѣкъ, защищенныя крутоярами, и т. п. Наиболее благоприятными для зимовки мелкаго скота мѣстностями признаются тѣ, на которыхъ при сильныхъ вѣтрахъ снѣгъ сдувается съ почвы, обнажая оставшуюся растительность. Для верблюдовъ лучшими зимовками служатъ пространства, покрытыя зарослями чіа (*Lasiagrostis Splendens*) и другихъ растений, составляющихъ главную продовольственную статью этого неприхотливаго животнаго. Обращается, разумѣется, должное вниманіе на изобиліе въ избранной мѣстности сѣнокосныхъ мѣстъ». Такимъ образомъ, въ выборѣ мѣста для зимовокъ, киргизы всегда руководятся нуждами скота. Этою же властью скота (позволяю себѣ употребить это выраженіе, имѣющее для киргиза такое же значеніе, какъ для русскаго крестьянина «власть земли») вызванъ къ жизни одинъ обычай при началѣ лѣтнихъ кочевокъ. «Какъ только весною покажется трава,—говорится въ той же статьѣ,—скотъ немедленно угоняется съ зимовки, на самомъ мѣстѣ которой молодая весенняя трава никогда не стравливается изъ опасенія повредить будущіе зимніе запасы ея». Конечно, такіе запасы сѣна на корню во время гололедицы или при глубокихъ снѣгахъ являются мертвымъ капиталомъ и нисколько не обезпечиваютъ жизнь скота.

Отъ этихъ указаній на мѣры, предпринимаемыя киргизами для предупрежденія гибели стадъ отъ зимнихъ бурановъ, перейду къ опредѣленію географическаго распространенія того или другого типа зимовокъ, что

имѣть громадное значеніе, такъ какъ очевидно, что киргизы, зимующіе въ савьяхъ, окруженныхъ крытыми загонами и стогами сѣна, болѣе обезпечены въ сохраненіи скота, чѣмъ киргизы, зимующіе въ юртахъ, т.-е. во второмъ типѣ зимовокъ. Къ сожалѣнію, опредѣлить распространенность того или другаго типа зимовокъ на основаніи болѣе или менѣе точныхъ данныхъ нѣтъ никакой возможности для всей Киргизской степи. Но для Сыръ-Дарьинской области можно все-таки отвѣтить на этотъ вопросъ съ болѣею или меньшею точностью, основываясь на данныхъ о зимовкахъ киргизъ Туркестанскаго участка Чинкентскаго уѣзда. Изъ этихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ *Трудахъ Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета за 1887—88 г.*, видно, что въ 459 зимовкахъ Туркестанскаго участка къ 1 января 1888 года считалось 11,830 кибитокъ и 4,003 сакли, т.-е. первыхъ было 74,72%, а вторыхъ—25,28%. Последнія, т.-е. сакли, даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что это были зимовки перваго изъ описанныхъ мною типовъ. Предположеніе это подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что зимовки эти расположены преимущественно по берегамъ рѣкъ Чаяна, Бугуни, Сыръ-Дарья, Армыса и другихъ рѣкъ, гдѣ природныя условія даютъ возможность заниматься земледѣліемъ или сѣнокошеніемъ. Гдѣ же находятся колодцы или гдѣ киргизы добываютъ воду для своихъ потребностей, растапливая снѣгъ въ котлахъ, тамъ преобладаютъ кибитки, т.-е. зимовки втораго типа. Громадный %, послѣднихъ съ большою вѣроятностью позволяетъ предполагать, что и въ другихъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области должно быть большее число зимовокъ втораго типа, а стало-быть и меньше шансовъ для киргизъ выходить побѣдителями въ борьбѣ съ природою.

Въ Тургайской области, какъ я замѣтилъ выше, зимовки перваго типа почти исключительно сосредоточены по берегамъ рр. Ори, Уйсугъ-Кары, Талдыка и Иргиза, къ югу же отъ г. Иргиза преобладаютъ зимовки втораго типа.

Скотъ—главное богатство киргизъ, а потому кажется на первый взглядъ довольно страннымъ тотъ фактъ, что одни киргизы доводятъ свои усилія объ охранѣ скота до постройки крытыхъ загонровъ, другіе же останавливаются лишь на выборѣ мѣста для зимней стоянки въ лощинахъ и во время бурановъ, гололедяцы и большихъ снѣговъ рискуютъ потерять отъ 10% до 70% своихъ стадъ.

Наша литература о киргизахъ не разъ останавливалась на причинахъ такого страннаго явленія, причемъ одни (наприм. Костенко) объясняютъ отсутствіе хорошихъ помѣщеній для скота на зиму «недостаткомъ строительнаго матеріала и недостаткомъ рабочихъ рукъ», другіе же видятъ въ этомъ лѣнь и безпечность киргизъ. Что лѣнь и безпечность присущи въ различной степени всѣмъ некультурнымъ народамъ, противъ этого спорить нельзя, но объяснять ими причины глубокой народной нужды болѣе чѣмъ странно. Этою же самою лѣнью и безпечностью наши мужикофобы всегда тѣшатся объяснить упадокъ крестьянскаго хозяйства, и всегда такое объ-

ясненіе остается громкою, ничего не выражающею фразой. Также безусловно невѣрно это объясненіе и въ примѣненіи къ киргизамъ. Вѣдь на всемъ пространствѣ Киргизской степи живетъ одинъ и тотъ же народъ, ведущій вездѣ одинаковый образъ жизни, а между тѣмъ не вездѣ одинаково борящійся за цѣлость своихъ стадъ. Въ то время, какъ киргизы южныхъ уѣздовъ Тургайской области и сѣверныхъ Сыръ-Дарьинской не устраиваютъ никакихъ загоновъ для скота, обнаруживая тѣмъ присущія всемъ азіатамъ лѣнь и безпечность, киргизы сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской области довольно успѣшно (сравнительно, конечно, съ казалинскими киргизами) борются съ мачихой-природой, устраивая загоны и дѣлая запасы сѣна, а полуосѣдлые киргизы сѣверныхъ волостей Ташкентскаго уѣзда кромѣ того заботятся объ устройствѣ искусственныхъ луговъ, для чего одновременно съ орошеніемъ полей пшеницы поливаютъ широкіе межины, на которыхъ и косятъ превосходное сѣно для скота. Такимъ образомъ выходитъ, что лѣнь и безпечность являются присущими лишь киргизамъ средней части степи. Абсурдность эта очевидна сама собою.

Серьезность положенія киргизскаго хозяйства требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія и потому мало ограничиться опроверженіемъ невѣрныхъ объясненій, а надобно глубже проникнуть въ корень вещей и остановиться на разсмотрѣніи природныхъ условій, являющихся главными факторами, отъ которыхъ зависитъ цѣлость киргизскихъ стадъ, а стало быть и благосостояніе самихъ киргизъ.

О. Шкапскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1897.

Нѣкоторыя данныя для освѣщенія киргизскаго вопроса *).

III.

Бокль въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» говорить, «что вездѣ на насъ лежитъ рука природы и что исторія ума человѣческаго только тогда можетъ сдѣлаться понятною, когда мы свяжемъ ее съ исторіей и явленіями матеріальнаго міра». Эта зависимость человѣка отъ природы находится, говоря языкомъ математики, въ обратномъ отношеніи къ степени цивилизаціи: чѣмъ цивилизованнѣе человѣчество, тѣмъ меньше зависимость его отъ природы и, наоборотъ, больше его вліяніе на природу; чѣмъ же менѣе цивилизовано человѣчество, тѣмъ и больше зависимость его отъ природы.

Киргизы, какъ нація мало культурная, даже скорѣе полудикая, больше находятся въ зависимости отъ различныхъ вліяній природы, чѣмъ мы, европейцы, и потому въ поискахъ за корнями зла въ Киргизской степи надо прежде всего обратиться къ природѣ. Только такимъ путемъ можно объяснить такое странное на первый взглядъ явленіе, что киргизъ, живущій на берегахъ Илека, Ори и Уйсылъ-Кары, переселяется на зиму въ глинобитный, кирпичный, а иногда такъ и деревянный домъ и для стадъ строить крытые загоны, а киргизъ, живущій въ урочищѣ Теньтякъ-Соръ, въ 50 верстахъ къ югу отъ Иргиза, только тѣмъ и отличается свою зимовку (кастау) отъ лѣтовки (джайлау), что взрыхляетъ землю и ставитъ чіевую изгородь между юртами.

Изъ двухъ могучихъ факторовъ природы, климата и почвы, сильно вліяющихъ на жизнь человѣка, первый въ равной мѣрѣ преслѣдуетъ какъ киргиза Илецкаго уѣзда, такъ и киргиза Иргизскаго или Казалинскаго: климатъ всей Тургайской низменности строго-континентальный, съ высокою температурой лѣта и съ суровыми морозами и снѣжными буранами зимой. Но въ то время, какъ киргизъ сѣверной части этой низменности умѣетъ

*) *Русская Мысль*, кн. V, 97 г.

бороться съ такими климатическими условіями, киргизъ средней части ея остается въ положеніи безправнаго, жалкаго раба природы. Смиляется она надъ нимъ—и киргизъ благоденствуетъ; прогнѣвается—и онъ въ два-три мѣсяца суровой зимы теряетъ все свое достояніе и становится изъ хозяина-собственника нищимъ-пролетаріемъ степи.

Такимъ образомъ, вліяніе одного изъ двухъ главныхъ факторовъ природы, одинаковое для всей Киргизской степи, не можетъ служить объясненіемъ предусмотрительности однихъ киргизъ и безопасности другихъ. Объясненіе это нужно искать въ тѣхъ почвенныхъ условіяхъ, отъ которыхъ въ значительной мѣрѣ зависитъ флора степей. Очевидно, что гдѣ флора богаче, тамъ и есть возможность дѣлать запасы сѣна и строить загоны для скота, тамъ же, гдѣ флора настолько бѣдна, что косить нечего, а есть только возможность кормить скотъ, перегоняя его съ мѣста на мѣсто, — киргизу не для чего строить загоны, потому что, стравивъ скоту траву въ одномъ мѣстѣ, онъ долженъ гнать его въ другое.

Каковы же почвенныя условія Киргизской степи?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приведу описаніе степи, сдѣланное еще въ 50-хъ годахъ Борщовымъ (см. *Борщовъ*: «Матеріалы для ботанической географіи Арало - Каспійскаго края». Приложеніе къ VII тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, 1865 г.).

Все то пространство Арало-Каспійской низменности, на которомъ издавна кочуютъ киргизы и которое граничитъ съ запада р. Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, съ юга—хивинскими владѣніями и Перовскимъ уѣздомъ Сыръ-Дарьинской области, съ востока—Акмолинскою областью, а съ сѣвера—губерніями Тобольской и Оренбургской, по почвеннымъ условіямъ и флорѣ Борщовъ дѣлитъ на слѣдующія четыре области:

- 1) *Область ковыльной степи,*
- 2) *Область глинистыхъ пустынь,*
- 3) *Область соленыхъ пустынь и*
- 4) *Область буристыхъ песковъ.*

Всѣ эти четыре области имѣютъ довольно опредѣленные границы.

«Область ковыльной степи,—говоритъ Борщовъ,—начинаясь къ югу отъ Саратова, доходить почти до Сарепты и низовьевъ Большого и Малаго Узней, затѣмъ съ сильно измѣненнымъ характеромъ, пересѣченная солончаками и небольшими песчаными пространствами, она идетъ по теченію Улу-Ула до р. Сагызъ, гдѣ граничитъ отчасти съ песчаными наносами, примыкающими къ нижнему Темиру и Эмбѣ, отчасти съ областю соленыхъ пустынь, лежащихъ къ югу. Далѣе на востокъ южную границу составляютъ рѣки Яманъ-Бараганды и Аты-Джаксы, южная оконечность Мугаджаръ, р. Читъ-Иргизъ, р. Тургай на параллели 49° сѣв. широты, теченіе р. Джиланчикъ и отроги-гряды Арганаты нѣсколько южнѣ станицы Улу-Тау». «Къ сѣверу ковыльная степь переходитъ съ одной стороны Уралъ и съ развитіемъ рельефа поверхности и появленіемъ сплошныхъ лѣсовъ совершенно теряетъ въ южной Башкиріи степной характеръ. Съ

другой стороны, къ востоку-сѣверо-востоку отъ теченія Урала, выше Ор-ска, она непосредственно сливается съ травянистыми равнинами южной части Тобольской губерніи».

«Область глинистыхъ пустынь раскидывается широкою, неправильною дугою, пересекающею Арало-Каспійскій край на всемъ его протяженіи отъ запада къ востоку. Начинаясь къ югу отъ 45° сѣв. шир. близъ Каспійскаго моря, она занимаетъ собою почти весь полуостровъ Мангышлакъ, южную часть полуострова Бузаги и весь Усть-Уртъ. Затѣмъ сѣверная граница ея направляется до р. Аты-Джаксы прямо къ сѣверу, почти параллельно съ грядою холмовъ, соединяющихъ Усть-Уртъ съ южною окопечностью Мугаджаръ. Отсюда она идетъ по лѣвому берегу Чить-Иргиза, пересекаетъ его теченіе верстахъ въ 10 выше г. Иргиза и подымается по рр. Улькойку и Тургаю до параллели средняго теченія р. Джилапчикъ (49° 20' сѣв. шир.). Здѣсь она держится праваго берега р. Джилапчикъ и затѣмъ, оглябая южную окопечность гряды Арганаты, спускается къ югу отъ станицы Улу-Тау по р. Сары-Су почти до бассейна р. Сыръ-Дарьи. Къ востоку отъ этой области лежатъ горы Улу-Тау и Голодная степь, а къ югу граничатъ съ нею пески Кызылъ-Кумы и Кара-Кумы и Аральское море».

«Область соленыхъ пустынь занимаетъ самое низовье р. Урала, все среднее и нижнее теченіе Эмбы, котловину между этою рѣкой и Усть-Уртомъ и, наконецъ, сѣверную половину полуострова Бузаги».

Наконецъ, область бугристыхъ песковъ занимаетъ собою всѣ тѣ массы песка, которыя окружаютъ Аральское море съ сѣвера, востока и юга (Кара-Кумы, Кызылъ-Кумы, Батканъ-Кумы и Большіе и Малые Барсуки), а также Голодную степь и различныя песчаныя пространства, расположенныя въ областяхъ ковыльныхъ, глинистыхъ и соленыхъ пустынь.

Таково географическое распредѣленіе почвъ Арало-Каспійской низменности, по Борщову. Что же касается почвъ бассейна р. Сыръ - Дарья, то опѣ, судя по геологической картѣ Мухоматова, представляютъ залежи лѣсса, а также рѣчниковые осадки.

Всѣ эти почвы характеризуются тою или другою флорой, и Борщовъ въ своемъ капитальномъ трудѣ приводитъ множество данныхъ относительно географическаго распространенія различныхъ растеній. Изъ этихъ данныхъ я коснусь только тѣхъ растеній, которыя имѣютъ значеніе какъ запасный фондъ киргизскаго скотоводства, т.-е. коснусь исключительно географическаго распространенія кормовыхъ травъ.

Уже самое названіе первой области показываетъ, что она имѣетъ наибольшее значеніе для скотоводческаго хозяйства киргизъ и больше обеспечиваетъ существованіе стадъ, живущихъ въ предѣлахъ ея кочевниковъ, чѣмъ всѣ остальные области. И, дѣйствительно, «господствующею и самою оригинальною растительною формою, опредѣляющею существенное различіе этой области отъ другихъ,—говоритъ Борщовъ,—является ковыль, но не *перистый ковыль* (*Stipa pennata*), болѣе распространенный въ степяхъ

юго-восточной Россіи, а *ковыль волосатикъ* (*Stipa capillata*), южная граница распространения котораго $48\frac{1}{4}^{\circ}$ сѣв. шир.». Изъ другихъ злаковъ встрѣчаются въ этой области представители родовъ *Poa* (*мятлики*), *Glyceria* (*манники*), *Phleum* (*оранжецъ*) и *Alopecurus* (*батлачики*). Всѣ эти злаки рѣдко переходятъ на югъ отъ 48° сѣв. шир. и характеризуютъ такимъ образомъ только область ковыльной степи. Помимо злаковъ, въ этой области встрѣчаются и кормовыя травы другого семейства, богатаго ими, бобовыхъ растений. Изъ нихъ Борщовъ указываетъ на различные виды *Trifolium* (*клеверъ*), *Lotus corniculatus* (*ледеянецъ*), *Melilotus alba* и *ruthenica* (*донники*) и на изрѣдка встрѣчающіеся по рр. Уралу и Илеку виды *Onobrychis* (*эспарцетъ*) и *Vicia* (*вика*). Последнее растение доходить на югъ до устьевъ Тамира. Извѣстное же туркестанцамъ бобовое растение *Medicago sativa* (*люцерна*), по словамъ Борщова, индифферентно къ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ и встрѣчается повсюду, даже въ Кара-Кумахъ.

Что касается областей глинистыхъ и соленыхъ пустынь, то флора ихъ совершенно бѣдна представителями тѣхъ видовъ, которые характеризуютъ область ковыльной степи и составляютъ для кочующихъ тамъ киргизъ естественный фондъ правильнаго скотоводческаго хозяйства. «Господствующими формами области глинистыхъ пустынь,—говоритъ Борщевъ,—являются *Artemisia fragrans* и *Artemisia monogyna*. Почва иногда на необозримое пространство покрыта исключительно только этими двумя видами душистой полыни, которая называется у киргизъ *джуссанъ* и *кара-джуссанъ* и придаетъ уже и безъ того однообразному ландшафту какой-то невыразимо мрачный колоритъ». Господствующими же формами области самыхъ пустынь являются различные роды и виды солянковыхъ растений (*Salsolacea*), благодаря которымъ хотя солончаки мѣстами и имѣютъ значеніе тучныхъ пастбищъ и служатъ для киргизъ такими угодами, на которыхъ они готовятъ скотъ къ зимовкѣ, но благодаря отсутствію хорошихъ водоемовъ, а также и тому, что угоды эти не часто встрѣчаются, солонцы также не могутъ быть отнесены къ числу мѣстъ, по которымъ можно было бы дѣлать запасы сѣна.

Гораздо богаче хорошими кормовыми травами флора бугристыхъ песковъ, но и то не въ такой степени, какъ флора ковыльной степи. Самая почва, скоро высыхающая и легко подвижная, не даетъ возможности растущимъ здѣсь травамъ раскинуться по песчанымъ барханамъ непрерывнымъ ковромъ. А съ другой стороны, и число видовъ этихъ травъ далеко меньше, чѣмъ въ области ковыльной степи. Если же *Aristida pennata* (изъ семейства *ковылевыхъ*) и *Bromus gracillimus* (*костеръ*), составляющіе единственный подножный кормъ для скота, иногда весной и густо покрываютъ песчаные бугры, то къ концу лѣта, при чрезвычайно рѣдкомъ выпаденіи дождей въ этой части арадо-каспійской низменности, они до того выгораютъ, что уже не могутъ скапироваться и служить запасомъ для скота на время многосѣжныхъ зимъ. Изъ другихъ представителей кормо-

выхъ травъ нужно указать еще на одно бобовое растеніе, не встрѣчающееся сѣвернѣе $48\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир., *Alhagi camelorum*, называемое киргизами *джалъ-такъ*. Но эта колючая трава, охотно поѣдаемая верблюдами, также не можетъ служить зимнимъ запасомъ для всѣхъ видовъ скота, разводимаго киргизами.

Словомъ, на всемъ огромномъ пространствѣ Арало-Каспійскаго края «единственныя мѣста, — говоритъ Борщевъ, — дающія порядочные скопы сѣна, лежатъ по Уралу и Илеку, а также близъ верховьевъ Ори, на склонахъ возвышенности Уркачъ».

Таковы данныя ботанической географіи Аральскаго бассейна, совершенно объясняющія такое на первый взглядъ поразительное явленіе, что киргизы Илецкаго уѣзда, Тургайской области, живутъ зимою въ сакляхъ и домахъ и заготавливаютъ запасы сѣна на зиму, а киргизы сосѣдняго Иргизскаго уѣзда той же области относятся якобы безопасно къ нуждамъ своего кормильца и поильца — скота. Не лѣнь и безпечность виноваты въ этомъ, а суровыя природныя условія, не позволяющія такъ радѣть о своемъ скотѣ, какъ жителямъ того бы хотѣлось. Въ самомъ дѣлѣ, вышеприведенная южная граница ковыльной степи почти совпадаетъ съ южною границей двухъ сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской области. Киргизы Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ, обезпеченные — первые травами ковыльной области, а вторые травами той степи, которая сливается съ травянистымъ моремъ южной части Тобольской губерніи, — строятъ на зиму для себя сакли, а для скота крытые загоны, дѣлая при томъ запасы сѣна на зиму, и потому должны меньше страдать отъ земной безкормицы, чѣмъ киргизы Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, кочующіе по глинистой и отчасти песчаной степямъ, гдѣ они не имѣютъ возможности дѣлать зимніе запасы сѣна. Предположеніе это вполне подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Въ то время, какъ въ суровую зиму 1879—80 г. киргизы Тургайскаго и Иргизскаго уѣздовъ потеряли 59% всѣхъ своихъ стадъ, потеря киргизъ Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ ограничилась лишь 24%.

Что же касается Сыръ-Дарьинской области, то кочующіе въ ней киргизы либо живутъ на территоріи глинистыхъ и песчаныхъ пустынь, значеніе которыхъ указано выше, либо на территоріи лѣссовыхъ равнинъ, которыя богаты травами весною послѣ дождей или послѣ стаявшаго снѣга; лѣтомъ же и осенью равнины эти могутъ вполне обезпечить кочующихъ на нихъ киргизъ только при искусственномъ орошеніи, которое въ этихъ мѣстахъ почти вовсе не развито. Низины же р. Сыръ-Дарьи, затопляемыя водой и поросшія камышомъ, замѣняющимся при частыхъ укосахъ оржанцемъ, и представляютъ крайне ограниченное пространство, могущее обезпечить кормъ для скота на зиму. Но нерѣдки случаи, когда зимніе бураны застаютъ кочевниковъ на пути къ этимъ низинамъ и немилосердно истребляютъ скотъ. Кромѣ того, наконецъ, пользоваться этими низинами по крайне незначительному числу ихъ могутъ далеко не всѣ киргизы. При такихъ условіяхъ весьма понятнымъ является фактъ значительнаго распро-

страненія у киргизъ Сыръ-Дарьинской области зимовокъ второго типа, число которыхъ, какъ сказано было въ предыдущей главѣ, въ Туркестанскомъ участкѣ, Чемкентскаго уѣзда, составляетъ почти 75% общаго числа зимовокъ.

Всѣ вышеприведенныя данныя приводятъ къ тому заключенію, что корень хронически повторяющихся джубовъ, главнымъ образомъ влекущихъ за собою уменьшеніе киргизскихъ стадъ и обѣднѣніе населенія, лежитъ для большинства мѣстностей Киргизской степи въ той физико-географической обстановкѣ, которою обусловлено главное хозяйство киргизъ-кочевниковъ,—скотоводство. Тамъ, гдѣ скотъ можетъ пользоваться хорошимъ кормомъ только весной и отчасти лѣтомъ, а зимою осужденъ на голодаваніе,—неизбѣжнымъ является падежъ скота въ размѣрахъ отъ 10% до 70% общаго количества его; тамъ же, гдѣ природныя условія не только доставляютъ въ теченіе лѣтней тебеневки обильный и хорошій кормъ, но позволяютъ еще и дѣлать запасы его на случай бурановъ и гололедицы,—населеніе менѣе страдаетъ отъ джута, появляющагося только изрѣдка, вслѣдствіе неблагоприятно складывающихся метеорологическихъ и другихъ условій отдѣльныхъ годовъ, какъ это было въ 1879 году въ Тургайской области.

Кромѣ физико-географическихъ причинъ, не маловажную роль въ обѣднѣніи киргизъ играетъ еще и тотъ невысокій уровень культуры, на которомъ стоитъ этотъ народъ и благодаря которому онъ въ большинствѣ случаевъ проявляетъ малую энергію въ борьбѣ съ природой, борясь зачастую съ представителями другихъ родовъ за ея богатства. Какъ въ прежнее время шли у киргизъ войны между родами за право пользованія тѣми или другими угодьями, такъ распри эти существуютъ и теперь, вынуждая администрацію вмѣшиваться въ эти дѣла. Какъ на иллюстрацію этихъ распрей за природу, укажу на постоянные споры перовскихъ и акмолинскихъ киргизъ за право пользованія пастбищами по берегамъ рѣки Сары-су. Эта же борьба за природу побуждаетъ аулиеатинскихъ и чимкентскихъ киргизъ вѣчными кражами лошадей отравлять жизнь русскихъ переселенцевъ. Главный мотивъ этихъ кражъ, несомнѣнно, желаніе заставить переселенцевъ уйти и оставить киргизамъ всѣ нужныя послѣднимъ угодья.

Къ счастью, среди киргизъ замѣчается въ настоящее время здоровое направленіе, о которомъ я упомяну ниже и которое служитъ гарантіей успѣха предлагаемыхъ мною мѣръ борьбы съ киргизскою нуждой.

Поставивъ физико-географическія условія Киргизской степи на мѣсто главныхъ причинъ киргизскаго обѣднѣнія, я долженъ, однако, сказать, что вопросъ объ этихъ причинахъ я не могу считать исчерпаннымъ. Экономическій бытъ кочевниковъ-киргизъ намъ очень мало извѣстенъ, а безъ знанія всѣхъ условій хозяйственной дѣятельности населенія невозможны строго-обоснованные выводы о причинахъ ненормальнаго состоянія этой дѣятельности. Въ ряду этихъ экономическихъ условій не послѣднее мѣсто занимаетъ поземельный бытъ кочевого населенія, намъ совершенно не-

извѣстный. Изученіе его въ связи съ изученіемъ соціально-экономическаго положенія игинчей, составляющее одну изъ ближайшихъ задачъ туркестановѣдѣнія, освѣтитъ еще болѣе киргизскій вопросъ.

Но и безъ этихъ будущихъ завоеваній науки можно, все-таки, считать несомнѣннымъ то, что указанныя мною физико-географическія условія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду причинъ обѣднѣнія киргизъ, а потому и своевременнымъ является вопросъ о борьбѣ съ этими условіями. Рядъ мѣръ, неуклонно проведенныхъ въ жизнь, не только можетъ ослабить значеніе этихъ физико-географическихъ условій, но даже серьезно улучшить экономическое положеніе киргизъ-кочевниковъ.

Въ чемъ должны заключаться эти мѣропріятія, скажу въ слѣдующихъ главахъ, остановившись прежде на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, долженствующихъ лечь въ основу этихъ мѣропріятій. Руководящею нитью во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ долженъ быть ясно сознанный идеалъ желательнаго строя киргизской жизни. Намѣтить этотъ идеалъ я и постараюсь въ слѣдующей главѣ.

IV.

Мнѣ кажется, что какъ при обсужденіи, такъ и рѣшеніи вопроса объ улучшеніи быта кочевниковъ-киргизъ не послѣднее мѣсто долженъ занимать вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ киргизамъ и къ ихъ внутренней экономической жизни. До сихъ поръ мы очень мало касались этой жизни, предоставивъ киргизъ фатальному ходу ихъ культурнаго прогресса. Водворивъ миръ въ степи и прекративъ въ ней родовые раздоры киргизъ, а также набѣги кокандскихъ и хивинскихъ хищниковъ, мы, казалось, тѣмъ самымъ создали всѣ условія для мирнаго развитія киргизскаго хозяйства, долженствующаго увеличить ихъ экономическое благосостояніе. Но этотъ же самый миръ открылъ входъ въ степь нежелательному элементу, среди котораго первое мѣсто занимаютъ мелкіе торговцы—татары и сарты. Продавая въ долгъ киргизамъ привозимые мануфактурные и колоніальные товары, а съ другой стороны скупая различные продукты киргизскаго скотоводства,—эти купцы являются, такимъ образомъ, на первый взглядъ элементомъ вполне желательнымъ. Но если ближе ознакомиться съ дѣятельностью этого торговаго класса, то нужно поставить его въ параллель съ кулаками нашей русской деревни. Тѣ цѣны, по которымъ они продаютъ въ долгъ и покупаютъ безъ денегъ различные товары, превосходятъ всякое вѣроятіе. Мнѣ лично встрѣтился однажды въ Бѣра - Бумахъ купецъ-сартъ, который продавалъ фунтъ сахару за 90 коп. Если принять во вниманіе, что прокормъ верблюда сарту обходится рѣшительно ни во что и что самъ онъ широко пользовался гостепріимствомъ киргизъ, т.-е. стало-быть жилъ на ихъ счетъ, то цѣна продаваемаго сахару доставляла ему вѣрныхъ 200% чистой прибыли. Если же прибавить къ этому, что эти торговцы являются для киргизъ въ то же время ростовщиками-процент-

щиками, ссужая их деньгами под невѣроятные проценты, то неблагоприятная роль ихъ будетъ еще большею.

Кромѣ явленій подобнаго рода, эксплуатація киргизъ шла и со стороны туземной администраціи.

Совокупность всѣхъ этихъ явленій на почвѣ почти изъ года въ годъ случающихся потерь скота отъ джута неизмѣнно ведетъ кочевника-киргиза къ разоренію и даже къ совершенной нищетѣ.

Въ противодѣйствіе этимъ факторамъ нами было сдѣлано крайне мало, а именно: запрещеніе татарскимъ выходцамъ изъ Россіи пріобрѣтать въ краѣ недвижимости и тѣмъ прочно обосновываться въ немъ; устройство по уѣздамъ киргизскихъ ссудо - сберегательныхъ кассъ, какъ противовѣсъ дѣятельности ростовщиковъ-процентчиковъ; разрѣшеніе киргизамъ, осѣдающимъ на землю, возобновлять старые и проводить новые оросительные каналы; постоянное напоминаніе киргизамъ, чтобы они при раскладкѣ податей соотносились съ благосостояніемъ плательщиковъ, и, наконецъ, преслѣдованіе по закону отдѣльныхъ лицъ изъ туземной администраціи, обвиняющихся во взяточничествѣ и другихъ подобныхъ преступленіяхъ.

Этотъ краткій перечень указываетъ на незначительность нашего вмѣшательства во внутренній экономическій бытъ населенія. Если же принять во вниманіе, что первая мѣра нисколько не парализуетъ дѣятельности татаръ и сартовъ купцовъ, вторая мѣра за свое недолгое существованіе еще не могла принять широкіе размѣры, а послѣднія три не могли оказать существеннаго вліянія на экономическую жизнь киргизскаго населенія края, какъ не затрогивающія ея, то станетъ очевиднымъ, насколько мало было сдѣлано нами для поднятія благосостоянія киргизъ. Постоянно же развивающаяся экономическая жизнь въ краѣ въ серединѣ 80-хъ годовъ нанесла киргизамъ еще одинъ ударъ, подорвавшій въ корнѣ одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ населенія—кержегство, т.-е. транспортировку товаровъ. Ударъ этотъ былъ нанесенъ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги, по которой съ первыхъ же дней ея открытія начался вывозъ въ Россію хлопка и другихъ товаровъ, раньше отправлявшихся караваннымъ путемъ на г. Оренбургъ.

Словомъ, всѣ условія развивающейся въ краѣ жизни сложились противъ киргизъ, постепенно ведя ихъ къ разоренію. Наше же крайне малое вмѣшательство въ ихъ экономическій бытъ нисколько не парализуетъ этого разоренія. Выхода изъ него ищутъ сами киргизы, перечисляясь въ родственные имъ аулы и волости и послѣ періодическихъ джутовъ переходя отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому. Но садятся на землю не одни только разорившіеся киргизы. Необезпеченность скотоводческаго хозяйства заставляетъ переходить къ земледѣлію и киргизъ еще не разорившихся. Отсутствие изслѣдованій по этому крайне интересному вопросу не позволяетъ мнѣ болѣе подробно остановиться на немъ, а между тѣмъ эта-то сторона современной жизни киргизъ и является крайне здоровымъ направленіемъ, могущимъ въ своемъ развитіи создать новый строй киргизскаго

быта. Приведу только разсказъ одного киргиза, въ умѣ котораго мысль о необходимости орошенія степи для земледѣльческаго труда связывается съ легендарными сказаніями о давно минувшемъ Сыръ-Дарьинской равнины.

«Въ давнишнія времена, приблизительно 875 лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Джулекскій волостной управитель Байсенъ - Кульдаевъ,—на берегахъ Дарьи жили калмыки, которые подчинялись мусульманскому хану *Махрами-Куру*, проживавшему у подножья Бара-Тау въ своей столицѣ *Бистамъ*, развалины которой существуютъ и понынѣ въ 70 верстахъ отъ Джулека. Махрами-Куру былъ человекъ высокихъ добродѣтелей, любилъ свой народъ и заботился о немъ. Онъ-то и задумалъ провести арыкъ изъ Дарьи, этотъ арыкъ назывался *Узякъ*. Отъ него къ старому Джулеку отдѣлился арыкъ *Кокъ-Беримъ*. Лѣтъ 400 тому назадъ вода перестала идти по этимъ арыкамъ, а безпощадное время занесло ихъ пескомъ. Гдѣ былъ выходъ *Узяка* изъ Дарьи, неизвѣстно, но думается мнѣ, что онъ былъ тамъ, гдѣ мы прорыли его теперъ. Лѣтъ 12' или 13 тому назадъ засѣла у меня въ головѣ мысль возобновить арыкъ, но власти у меня не было, силъ моихъ не хватало; никто меня не слушалъ. Сдѣлавшись волостнымъ, я началъ надѣяться объ этомъ уѣзднымъ начальникамъ, и только въ 1883 году Богъ далъ мнѣ возможность съ разрѣшенія начальства приступить къ работамъ, которыя и увѣнчались успѣхомъ.

«Нельзя сказать сколько пользы принесетъ этотъ арыкъ и сколько людей будутъ благодарить Всемогущаго Бога за его возобновленіе! *Въ настоящее время киргизы садятся, много изъ взялось за хлѣбопашество*, а возможно ли оно безъ воды? Арыкъ дастъ имъ воду, и если Богъ поволитъ мнѣ прожить еще немного лѣтъ, то я своими глазами увижу—на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде росла только колючка, будутъ расти ячмень, просо, пшеница. Имя мое не умретъ среди соотчичей, и эта слава—мое лучшее наслѣдство, которое я оставляю своимъ дѣтямъ и внукамъ» *).

Если приведенный разсказъ представляетъ изложеніе подлинныхъ мыслей Байсена-Кульдаева, то нужно признать ихъ рѣчью не простого кочевника-киргиза, а рѣчью истиннаго гражданина степи, болѣющаго сердцемъ о счастья и благоденствіи своихъ соотчичей. Хотя, конечно, идеалы Байсена-Кульдаева далеки отъ общественныхъ идеаловъ гражданъ Европы, но за то послѣдніе смѣло могутъ позавидовать этому гражданину степи: онъ при жизни увидѣлъ воплощеніе своего идеала. Приведенныя выше слова его записаны Дѣтковымъ въ концѣ 1884 г., а лѣтомъ 1885 г. по *Кокъ-Берину* киргизами было засѣяно различными хлѣбными растеніями до 7,000 десятинъ.

Въ приведенной рѣчи Байсена-Кульдаева важно и подчеркнутое мною свидѣтельство киргиза о тяготѣніи его соотчичей къ землѣ. Хорошо, если бы во всей Киргизской степи тяготѣніе это облегчалось такими людьми, какъ Байсенъ, настойчивостью своею добившійся разрѣшенія провести

* См. *Турк. Вѣдом.* 1885 г., № 14: *Киргизскія нужды* Дѣткова.

арыкъ, по, какъ я сказалъ выше, значительная часть киргизъ садится на землю послѣ потери скота отъ безкормицы.

Конечно, самый фактъ осѣданія киргизъ весьма желателенъ и въ будущемъ для края и для населенія принесетъ очень многое, но горько лишь то, что этотъ желательный процессъ приобретаетъ крайне дорогой цѣной—разореніемъ населенія.

Плоды такого естественнаго перехода кочевниковъ-скотоводовъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ еще впереди, а въ настоящее время переходъ этотъ сопровождается плачемъ и стономъ разоряющихся киргизскихъ семей.

Если, съ одной стороны, желательно развитіе среди киргизъ земледѣлія съ переходомъ ихъ къ осѣдлому образу жизни, то, съ другой стороны, желателенъ ли упадокъ скотоводства? Киргизская степь еще до присоединенія ея къ Имперіи занимала первое мѣсто въ ряду тѣхъ мѣстностей, которыя снабжали рынки Европейской Россіи продуктами скотоводства; съ присоединеніемъ же края роль эта должна была увеличиться. Не имѣя подъ руками данныхъ о вывозѣ продуктовъ скотоводства за время присоединенія степи къ Имперіи, приведу только данныя за 1867 г., наглядно указывающія на значеніе Киргизской степи, какъ главной поставщицы продуктовъ скотоводства. По даннымъ *Военно-Статистическаго Сборника*, въ 1867 г. изъ общаго количества перегнаннаго черезъ границу Европейской Россіи скота на Киргизскую степь, по Сибирской и Оренбургской линіямъ, падаетъ 91,8%; изъ числа привезенныхъ кожъ степь дала 66,9%, а шерсти сырья—94,1%. Цифры эти краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій доказываютъ важность Киргизской степи, какъ поставщицы продуктовъ скотоводства.

При тѣхъ же крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, при какихъ находится въ настоящее время скотоводческое хозяйство киргизъ, нужно ожидать упадка значенія степи въ торговлѣ продуктами скотоводства, что врядъ ли желательно для экономической жизни всей Россіи.

Оставить Киргизскую степь безъ призора, оставить киргизъ при наличныхъ условіяхъ перехода ихъ къ земледѣлію, оставить степь при современномъ направленіи государственнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь киргиза,—значить дать возможность населенію разориться и обѣднѣть, а внутренніе рынки лишитъ значительной доли продуктовъ скотоводческаго хозяйства.

Наоборотъ, разумнымъ вмѣшательствомъ парализовать неблагопріятныя условія киргизскаго хозяйства и дать послѣднему возможность развиваться какъ хозяйству земледѣльческо-скотоводческому—значить сослужить великую службу не только краю, но и всей Россіи, если ограничивать роль экономическаго прогресса предѣлами одного государства.

Но въ чемъ должно заключаться это разумное вмѣшательство? Какія мѣропріятія должно принять государство, чтобы поднять экономическія силы Киргизской степи и дать имъ возможность расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ?

Прежде, однако, чѣмъ высказаться о частностяхъ государственнаго вмѣ-

пательства, о тѣхъ мѣрахъ, которыя, прежде всего, должны быть приняты и которыя должны будутъ рѣзко повліять на весь бытъ киргизскаго населенія и помогутъ ему безъ излишняго горя и страданій пережить критическій періодъ перехода отъ одного соціально-экономическаго строя жизни къ другому, воспользувшись общими принципами, которые, по моему мнѣнію, должны лежать въ основѣ нашей внутренней политики въ Средней Азіи.

Какъ извѣстно, средне-азиатскія равнины,—эта колыбель аріискихъ народовъ,—въ древнѣйшія времена представляли цвѣтущую страну, въ которой зародилась и достигла значительнаго развитія одна изъ древнѣйшихъ цивилизацій Востока. Аріиское населеніе по долинамъ Окса (нынѣ Аму-Дарья) и Яксарта (нынѣ Сыръ-Дарья) въ самой глубокой древности основало такія государства, какъ Бактріана (Бахтъ), Трансоксиана (Бухара), Согдіана (долина Зеравшана) и Хоразумія (Хива), которыя отличались необыкновенною людностью, матеріальнымъ богатствомъ и высокою степенью политическаго развитія. На торговлю этихъ странъ указываетъ Геродотъ, говоря, что караваны судовъ двигались внизъ по Оксу въ страны, расположенныя по берегамъ Каспійскаго моря. На существованіе этой цивилизаціи указываютъ развалины многихъ городовъ, наприм., Джанкента и Отрара, остатки каменныхъ подземныхъ водопроводовъ въ Туркменской степи и многія народныя легенды, которыя характеризуютъ эту эпоху, какъ періодъ высокаго развитія земледѣлія и садоводства, когда по всему теченію Окса, а также и Яксарта соловьи на тысячи верстъ перелетали, перепархивая съ одной вѣтки на другую. Богатства этихъ странъ привлекали къ себѣ многихъ военныхъ завоевателей, которые, начиная съ Александра Македонскаго и кончая нашествіемъ монголовъ, постоянно стремились покорить ихъ. Нашествіе полчищъ Чингизъ - Хана и послѣдовавшее затѣмъ господство тюркскихъ народовъ разрушили эту цивилизацію, и съ тѣхъ поръ славный и богатый Туркестанъ какъ бы застылъ въ многовѣковомъ непробудномъ снѣ. Неурядицы во времена кокандскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ правителей и почти непрерывныя междоусобія и возстанія окончательно убили развитіе промышленности. Даже упало земледѣліе, потому что пахарь, спасая свою жизнь отъ набѣга полчищъ какого-нибудь возставшаго бека, бросалъ пашню и уходилъ въ неприступныя горы, а немощная природа — мачиха засоряла оросительные каналы, сушила поля и во многихъ мѣстахъ запосила все это толстымъ слоемъ песка. Грандіозныя оросительныя сооруженія разрушены, вмѣсто богатыхъ городовъ и деревень по берегамъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи разстилаются необъятныя пустыни, а вся громадная, прежде культурная площадь сократилась до minimum'a. Можно смѣло сказать, что та культура, которую застали здѣсь мы, русскіе, при завоеваніи края, не что иное, какъ остатки прежняго величія.

Со времени присоединенія Туркестана къ Имперіи прошло уже 30 лѣтъ, и вліяніе наступившей гражданственности уже успѣло сказаться въ расширеніи культурной площади южной части Туркестана. Земледѣльцы туземцы, бѣжавшіе съ своихъ пашенъ въ послѣдніе годы анархіи мусульманскихъ

правителей, возвратились на свои заброшенные поля и принялись за обработку ихъ. Въ нимъ присоединились и присоединяются новые пахаря изъ числа бывшихъ кочевниковъ-киргизъ. Насколько энергично идетъ это возобновленіе древней цивилизаціи, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. «Въ Ташкентскомъ уѣздѣ въ 1862 г. считалось обрабатываемыхъ земель не болѣе 63,160 десят., въ 1878 г. площадь однѣхъ искусственно-орошаемыхъ земель простиралась до 126,406 дес., помимо посѣвовъ на богарныхъ поляхъ. По даннымъ же съемочныхъ работъ поземельно-податныхъ учреждений въ періодъ 1887—1891 гг. искусственно орошаемыхъ земель снято 340,346 дес. За 20 лѣтъ (1869—1890) площадь культуры возросла на 440%».

Непрерывно расширяющаяся площадь культуры въ Туркестанскомъ краѣ захватываетъ собою все новыя и новыя пространства. Въ числѣ множества пахарей, трудящихся надъ этой великой по своему экономическому значенію работой, не послѣднее мѣсто занимаютъ осѣвшіе и постоянно осѣдающіе кочевники-киргизы. Еще покойный устроитель Туркестана Е. И. фонъ-Кауфманъ въ своемъ проектѣ Всеподданнѣйшаго отчета говорилъ, что болѣе 80% всего осѣдлага населенія Ташкентскаго уѣзда составляютъ киргизы, оставившіе занятіе скотоводства и принявшіеся за земледѣліе. «Ряды ихъ зимовокъ, — говорится въ этомъ отчетѣ, —представляютъ собою пункты довольно окрѣпшихъ осѣдлостей, гдѣ живетъ земледѣльческое киргизское населеніе, запасающее лѣтомъ хлѣбъ и люцерну для аульных потребностей. Лучшія же зимовки киргизъ этого уѣзда мало чѣмъ отличаются отъ сартовскихъ кышлаковъ, также утопая въ зелени густыхъ садовъ, какъ и послѣдніе».

Эти факты роста земледѣльческой культуры въ Туркестанѣ послѣ присоединенія его къ Россіи указываетъ на то, что Россія однимъ только уничтоженіемъ анархіи мусульманскихъ правителей вступила на тотъ путь, въ которомъ видятъ «чрезвычайно благородную культурную миссію въ Средней Азіи, успѣшное выполненіе которой составитъ ея несомнѣнную заслугу передъ всѣмъ человѣчествомъ» (См. *Русская Мысль* 1890 г., кн. XI. «Научный Обзоръ». *Русскій Туркестанъ*). Какъ же велики должны быть послѣдствія завоеванія Средней Азіи, если мы сознательно и неуклонно будемъ активно стремиться къ осуществленію павшей на насъ исторической задачи! Задачу эту авторъ названной статьи формулируетъ такъ: «обеспечивъ какъ внѣшнее, такъ и внутреннее спокойствіе въ Туркестанѣ, мы должны создать здѣсь такой порядокъ вещей, при которомъ, безъ обремененія государственнаго бюджета и расхищенія естественныхъ богатствъ края, благоденствіе его населенія было бы вполне упрочено, а производительныя силы его достигли бы возможно высшаго процвѣтанія. Короче сказать, мы должны возвратитъ цивилизаціи тѣ области Средней Азіи, которыя служили нѣкогда ея колыбелью» (см. тамъ же).

Стремясь къ возрожденію цивилизаціи на равнинахъ Средней Азіи, мы должны выполнять эту задачу, не посягая на самостоятельную жизнь туземныхъ національностей. Только при справедливомъ равномъ отношеніи къ представителямъ разнородныхъ національностей, населяющихъ Туркестанъ,

станскій край, и возможно осуществленіе выпавшей на нашу долю исторической миссіи.

Какъ представители европейской цивилизаціи въ Средней Азіи, мы должны приобщать населяющіе нашу окраину народы къ великой семьѣ культурнаго человѣчества. Конечно, не завтра настанетъ тотъ часъ, когда и киргизы и сарты станутъ вполне родственными по духу всему цивилизованному человѣчеству, но это не исключаетъ необходимости и даже обязательности стремиться къ разѣ намѣченной цѣли. Последняя, какъ путеводный маякъ, должна освѣщать каждый нашъ шагъ по пути культурнаго прогресса. Къ этой цѣли мы должны идти неуклонно, не сбиваясь въ сторону увлеченія узко-національнымъ гуманизмомъ, потому что для насъ, какъ христіанъ, «нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варвары и скины, рабъ и свободъ», но всѣ братья, всѣ человѣки. Въ нашей внутренней средне-азиатской политикѣ на первомъ планѣ должно стоять истинно-гуманное отношеніе ко всѣмъ населяющимъ край народностямъ, которымъ мы должны дать знаніе—единственную могучую силу, могущую превратить нашу землю изъ юдоли горя и страданій въ царство, достойное царя природы, человѣка, и такія формы общественной и экономической жизни, при которыхъ наиболѣе успѣшно можетъ идти это превращеніе природы-мачихи въ природу-мать.

Вотъ та цѣль, къ которой мы неуклонно должны стремиться; но на пути къ этому идеалу по отношенію къ киргизамъ мы должны поставить еще и другой, являющійся, такъ сказать, переходнымъ къ только что намѣченному.

Этотъ переходный идеалъ долженъ основываться на данныхъ нынѣ переживаемаго момента.

Ссылаясь на трудъ г. Васильева, я указалъ выше на неблагопріятное состояніе киргизскаго скотоводческаго хозяйства, видя главную причину этого неблагопріятнаго состоянія въ почвенныхъ условіяхъ киргизской степи; указалъ также на стремленіе киргизъ къ земледѣльческому труду, переходъ къ которому обусловливается бросаніемъ скотоводческаго хозяйства; наконецъ, указалъ на желательность въ экономическомъ отношеніи развитія среди киргизъ земледѣлія и на нежелательность въ томъ же экономическомъ отношеніи совершеннаго оставленія скотоводческаго хозяйства. Опираясь на эти соображенія, я нахожу, что *переходнымъ идеаломъ нашей киргизской политики должно быть созданіе такихъ условій, которыя, способствуя умученію быта киргизъ-кочевниковъ, въ то же время облегчали бы имъ переходъ не къ земледѣльческому исключительно хозяйству, а къ земледѣльческо-скотоводческому.*

Не касаясь всѣхъ сторонъ дѣятельности государства въ этомъ отношеніи, я остановлюсь ниже только на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя должны быть направлены къ борьбѣ съ природными условіями, кладущими, какъ сказано было въ предыдущей главѣ, свою рѣзко выраженную печать на жизнь киргизъ, кочующихъ въ различныхъ мѣстахъ степи.

V.

Принимая за доказанное, что главная причина экономической неурядицы въ киргизской степи заключается въ тѣхъ природныхъ условіяхъ, которыми окружены киргизы и отъ которыхъ зависятъ цѣлость и сытость ихъ стадъ, и что такимъ образомъ борьба съ этой неурядицей должна быть направлена на измѣненіе этихъ условій, я не опускалъ безсильно руки передъ такимъ грознымъ врагомъ, какъ природа, будучи глубоко убѣжденъ въ могущество челоѣка. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ борьбѣ съ природой развѣ челоѣкъ, терпя подчасъ пораженія, въ концѣ-концовъ не одерживалъ блестящихъ побѣдъ? Развѣ не измѣняетъ онъ постоянно физономію земли, разумно пользуясь силами природы? Могущество челоѣка въ этомъ отношеніи столь велико, что, говоря словами Buchnell'я, «вѣтры, бури, землетрясенія, моря и атмосферныя явленія не произвели на землѣ столь великихъ измѣненій, какія произвелъ челоѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ явился на ней и началъ надъ нею господствовать». Нѣтъ нужды перечислять одержанныя челоѣкомъ побѣды надъ природою: онъ у всякаго передъ глазами, онъ наполняютъ собою страницы культурнаго прогресса челоѣчества.

Дорого обошлись челоѣчеству всѣ эти побѣды, не дешево онъ будетъ и впереди. Но бѣда не въ этой страшной дороговизнѣ, а въ томъ, что по сую пору плодами этихъ побѣдъ пользуется не все челоѣчество, а лишь ограниченное меньшинство. И если и впереди невозможно обойтись безъ новыхъ жертвъ въ борьбѣ съ природою, то надобно стремиться къ тому, чтобы какъ прежнія завоеванія, такъ и новыя служили интересамъ всего челоѣчества, а не привилегированному меньшинству.

Старыя это слова, читатель, очень старыя, но напомнить ихъ никогда не лишнее, особенно, когда слова эти — «забытыя слова».

Привлеченіе къ культурному челоѣчеству новыхъ, пока еще полудикихъ, пародностей, но несомнѣнно способныхъ къ культурѣ, дастъ для прогресса очень и очень многое, а потому мы, поставившіе своей задачей въ Средней Азіи возрожденіе цивилизаціи, не можемъ—да и не должны—отказываться отъ проведенія въ жизнь всего того, что ведетъ къ этой цѣли.

Какъ сказано было раньше, плохо живетъ киргизамъ, кочующимъ со своими стадами въ областяхъ глинистыхъ и лёссовыхъ пустынь и въ областяхъ сыпучихъ песковъ. Какъ тѣ, такъ и другія области не безплодны по химическому составу своихъ почвъ; если же и существуетъ недостатокъ въ растеніяхъ, нужныхъ для корма скота, то онъ обусловленъ исключительно недостаткомъ влаги, благодаря чему травы быстро выгораютъ, а въ пескахъ, кромѣ того, выгараніемъ травъ и засухами обусловлена еще сыпучесть и подвижность песковъ. Нашу задачу и составляетъ дать всѣмъ этимъ почвамъ необходимую влагу, которая обезпечитъ цѣлость травъ на весь лѣтній періодъ, а въ пескахъ еще будетъ способствовать скрѣпленію ихъ, препятствуя вѣтрамъ взрывать песчаные барханы. «Чрезвычайная капиллярность мелкозернистой песчаной почвы,—говоритъ Миддендорфъ,—благодаря чему она поднимаетъ воду гораздо сильнѣе, чѣмъ пропускаетъ

ее сверху вниз, служить пособникомъ водѣ. Чтобы вполне уяснить все полезное дѣйствіе воды, не можемъ умолчать о томъ, что способность песка спекаться послѣ увлаженія его препятствуетъ дѣйствію на него вѣтра, когда наружный высохшій покровъ уже снесенъ имъ. Слѣдовательно, вѣтеръ не можетъ безъ всякаго удержа взрывать песокъ до любой глубины,—нѣтъ, онъ дѣйствуетъ лишь легонько, сдуваетъ изсушенный матеріалъ слой за слоемъ. Слабое же занесеніе пескомъ, въ особенности насыщенныхъ солью глинистыхъ и лёссовыхъ почвъ, служить на пользу земледѣлію, которое распахиваетъ песокъ для улучшенія почвы» (см. *Миддендорфъ*: «Очерки Ферганы»).

Орошеніе Киргизской степи — вотъ самое главное средство борьбы съ природой-мачихой, — средство, давно уже извѣстное средне-азиатскому населенію, настолько извѣстное, что въ законоположеніяхъ той части мусульманскаго права, которая разработана средне-азиатскими юристами, орошеніе земель называется оживленіемъ ихъ; (земли же не орошаемыя носятъ названіе «навать», т.-е. мертвыя земли). Орошеніе степи дастъ массу культурныхъ земель, а доведенное до области сыпучихъ песковъ — облегчить задачу укрѣпленія и облѣсенія ихъ, что въ будущемъ все выѣстъ настолько видоизмѣнить фیزیономію степи, что послѣдняя изъ мертвой необъятной пустыни превратится въ страну съ роскошною растительностью, съ богатыми оазисами культурныхъ пространствъ.

Разъ мы поставимъ своей задачей облегчить киргизамъ переходъ къ земледѣлію, то мы *обязаны* оросить степи, ибо физическія условія мѣстной земледѣльческой культуры таковы, что безъ искусственнаго орошенія почти невозможно производить посѣвы различныхъ растений. Нынѣ бесполезно несущіяся въ Аральское море воды Сыръ-Дарьи будутъ утилизированы наиболее цѣлесообразно и дадутъ киргизскому населенію степи возможность безъ тяжелыхъ крпизисовъ перейти отъ скотоводческаго хозяйства къ *земледѣльческо-скотоводческому*.

Невозможнаго въ осуществленіи столь грандіознаго предпріятія съ технической стороны ничего нѣтъ; что же касается желаемыхъ послѣдствій, то въ этомъ отношеніи мы пойдемъ навстрѣчу народившимся стремленіямъ киргизъ къ земледѣльческому труду. А что такое стремленіе у киргизъ существуетъ, тому доказательствомъ служить приведенный мною въ предыдущей главѣ рассказъ Байсена Кульдаева. Идеалы этого гражданина степи побуждали его добиться власти волостного управителя, чтобы осуществить долго лелѣянную имъ мысль о возобновленіи арыка Кокъ-Керимъ. Но мало сказать объ общемъ характерѣ нашего участія въ оросительныхъ предпріятіяхъ, надобно сказать также и о томъ, какъ осуществить эту историческую задачу, всѣ послѣдствія которой нельзя даже перечислить въ настоящее время.

Въ практическомъ отношеніи, мнѣ кажется, рѣшеніе этой задачи можетъ идти однимъ изъ двухъ путей: либо все веденіе оросительныхъ работъ должно взять на себя государство, объявивъ орошаемыя земли своею

собственностью, а население—вѣчнымъ наследственнымъ арендаторомъ этихъ земель, либо государство должно предоставить осуществленіе этихъ работъ самимъ киргизамъ, какъ это было въ 1883 г. по отношенію къ Кокъ-Керимъ, оказывая имъ только поддержку, которая можетъ заключаться въ разрѣшеніи киргизамъ проводить въ той или другой мѣстности арыки, въ выдачѣ имъ для осуществленія этихъ работъ ссудъ на началѣ проектируемаго въ настоящее время меліоративнаго кредита, причѣмъ ссуды эти могутъ выдаваться натурой, т.-е. снабженіемъ населенія усовершенствованными гидротехническими орудіями, и, наконецъ, въ руководствѣ работъ командированіемъ для того правительственныхъ техниковъ, подъ руководствомъ которыхъ и должны вестись всѣ работы.

Лично я стою за первый путь осуществленія оросительныхъ работъ въ Киргизской степи, основывая свой взглядъ на слѣдующихъ практическихъ соображеніяхъ.

Во-первыхъ, при предоставленіи инициативы работъ самимъ киргизамъ трудно разсчитывать на скорое осуществленіе этихъ работъ, потому что, для того чтобы волость или аульное общество во всемъ своемъ составѣ могли возбуждать ходатайства о разрѣшеніи имъ оросить то или другое пространство, нужны два фактора: люди вродѣ упомянутого мною выше джумекскаго волостного управителя Байсена Кульдаева и собственное сознаніе всего киргизскаго общества въ настоятельной необходимости оросительныхъ работъ. Байсены-Кульдаевы, конечно, не очень-то часто могутъ встрѣчаться, да если ихъ и много, то для успѣшнаго осуществленія своихъ замысловъ они прежде всего должны быть вліятельными лицами, — волостными управителями, старшинами въ родѣ и т. п. Ждать же сознанія киргизскаго общества (волости или аула)—значить откладывать дѣло въ долгій ящикъ, а главное — нарушать основной принципъ необходимости оросительныхъ работъ, по которому цѣль работъ—облегчить киргизамъ переходъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческо-скотоводческому. Принципъ этотъ нарушится потому именно, что сознательно киргизы придутъ къ мысли о необходимости оросительныхъ работъ тогда, когда рядъ жестокихъ ударовъ ячихи-природы подорветъ въ корнѣ скотоводческій промыселъ и когда, стало быть, возможенъ будетъ переходъ исключительно къ земледѣльческому хозяйству, а вѣдь орошеніе степи должно избавить киргизъ отъ такихъ горькихъ опытовъ.

Во-вторыхъ, надо помнить, что цѣль орошенія степи — помочь всѣмъ киргизамъ, а не отдѣльнымъ родамъ, поэтому вслѣдъ за орошеніемъ неизбежно выступитъ на первый планъ вопросъ о поземельномъ переустройствѣ киргизъ. Нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ всѣ земли, занятія кочевниками, считаются государственными, предоставленными населенію въ безсрочное общественное пользованіе по обычаю. По обычному же праву зимовья стойбища строго распределены между киргизскими родами. Невозможность оросить всю степь и необходимость предоставленія всѣмъ киргизамъ пользоваться полосой орошенныхъ земель неминуемо выдвигаетъ

на первый планъ необходимость уравнительнаго раздѣла земель, а такое поземельное переустройство государство съ большимъ удобствомъ можетъ произвести только при томъ условіи, когда оно само возьметъ на себя практическое осуществленіе ирригаціонныхъ работъ. Мусульманское населеніе степи привыкло смотрѣть на неорошенные земли какъ на государственныя, переходящія во владѣніе къ тому, кто ороситъ ихъ. Если орошеніе степи будетъ произведено самими киргизскими обществами, то на попытку государства уравнительно раздѣлить орошенные земли между всѣми киргизами отдѣльныя общества послѣднихъ будутъ смотрѣть какъ на нарушеніе своихъ правъ, тогда какъ при орошеніи степи средствами государства такое недовольство врядъ ли будетъ возбуждено. Поселятъ же подобное недовольство, конечно, не желательно намъ не только въ политическомъ отношеніи, но также и въ экономическомъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, за орошеніе степи государствомъ стоитъ и еще слѣдующее соображеніе. Крайне обострившееся въ послѣдніе годы переселенческое движеніе направляется теперь и къ намъ, въ Туркестанъ, гдѣ масса свободныхъ земель, казалось бы, должна надолго обезпечить русскую колонизацію края. Но этому препятствуетъ отсутствіе свободныхъ орошенныхъ земель. Оживленіе Киргизской степи средствами государства дало бы послѣднему возможность часть изъ орошенныхъ земель оставлять подъ русскіе поселки. Разселеніе среди киргизъ русскаго элемента облегчитъ задачу окончательнаго устройства степи, какъ русской окраины. Совмѣстная жизнь, а также общій трудъ по очисткѣ арыковъ сблизятъ киргизъ съ русскими и облегчатъ распространеніе среди нихъ нашей европейской цивилизаціи. Устройство же русскихъ поселковъ среди киргизскаго населенія возможно безъ поселенія неудовольствія только при томъ условіи, когда орошеніе степи будетъ совершенно государствомъ, т.-е. когда орошенные земли въ сознаніи киргизъ будутъ считаться государственными.

Но орошеніемъ лѣссовыхъ равнинъ не должны ограничиваться наши первыя заботы объ улучшеніи быта киргизскаго населенія. Помимо безводныхъ глинистыхъ и лѣссовыхъ равнинъ, киргизы страдаютъ еще, какъ было сказано въ третьей главѣ, отъ невозможности дѣлать зимніе запасы травъ, растущихъ въ пескахъ. Отсутствіе лѣтнихъ дождей способствуетъ быстрому выгоранію травъ и высыханію бархановъ, отъ чего песокъ становится подвижнымъ и легко при сильныхъ вѣтрахъ переносится съ мѣста на мѣсто. Это свойство сыпучихъ песковъ можетъ въ будущемъ служить не малою преградой развитію земледѣлія въ прилегающихъ къ пескамъ мѣстностяхъ, а потому рано или поздно мы должны будемъ вступать въ борьбу съ этими сыпучими песками, чтобъ они не заносили собою площади культурныхъ пространствъ. И лучше борьбу эту начать одновременно съ орошеніемъ степи. Я уже выше ссылокъ на Миддендорфа указалъ на значеніе орошенія въ дѣлѣ укрѣпленія песковъ. Поэтому надо стремиться къ тому, чтобы были орошены всѣ годныя къ тому пространства до самой границы песковъ. Съ другой же стороны, извѣстныя въ наукѣ данныя о флорѣ песковъ могутъ облегчить задачу укрѣпленія песковъ

облѣсеніемъ ихъ. Самое же облѣсеніе песковъ не является чѣмъ-то невозможнымъ. Вѣдь Франція сумѣла превратить подвижныя приморскія дюны въ роскошныя лѣса. И мы должны стремиться къ тому, чтобы, говоря словами профессора Сорокина, на вершинахъ песчаныхъ бархановъ «шумѣли зеленныя рощицы». Это облѣсеніе песковъ, способствуя увлажненію климата, облегчить земледѣльческія работы на орошенныхъ лѣссовыхъ равнинахъ и создать на склонахъ песчаныхъ бархановъ и въ долинахъ новую почву, богатую травами.

Какъ орошеніе степи, такъ и облѣсеніе песковъ,—двѣ заданныя намъ исторіей задачи,—должны идти рука объ руку, потому что первая задача облегчаетъ осуществленіе второй, а вторая—первой, ведя къ полнѣйшему видоизмѣненію фیزیономіи Киргизской степи.

Вотъ это-то видоизмѣненіе степи и составляетъ первый шагъ нашей культурной миссіи въ средней части Арало-Каспійскаго бассейна,—первый шагъ, сдѣлать который необходимо, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Этотъ шагъ, радикальнымъ образомъ измѣняя экономическій бытъ киргизъ, облегчитъ государству устройство русскихъ переселенцевъ, давъ послѣднимъ возможность селиться среди киргизскаго общества и тѣмъ самымъ способствовать «культуризаціи» киргизъ.

Конечно, за первымъ шагомъ должны идти второй, третій и т. д., изъ которыхъ не последнее мѣсто занимаетъ упомянутая мною необходимость реформы поземельнаго устройства. Касаться этой реформы, а также и другихъ необходимыхъ мѣропріятій я въ настоящее время не буду, потому что серьезность и обширность поземельной реформы требуютъ прежде всего знанія обычно-правовыхъ отношеній киргизъ къ землѣ, а знаніе этой стороны обычнаго права киргизъ въ настоящее время крайне скудно и неполно.

Не буду касаться и вопроса о поднятіи культурнаго уровня киргизъ, потому что и этотъ крайне важный пунктъ нашей культурной миссіи можетъ быть успѣшнѣе проведенъ, когда будетъ удалена главная причина бѣдствія киргизъ, а къ этому насъ побуждаетъ также принципъ государственной предусмотрительности. Нищета массы народа—крайне серьезная болѣзнь общества, и разъ есть вѣроятность предположить, что болѣзнь эта можетъ разростись и охватить собою цѣлый огромный районъ, то надобно, не дожидаясь усиленія ея, въ корнѣ уничтожить развивающееся зло, иначе будетъ потомъ слишкомъ поздно залѣчивать тяжелыя раны общественнаго организма.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что если мы неуклонно будемъ стремиться къ задачѣ орошенія степи и облѣсенія песковъ, да не будемъ упускать изъ виду и улучшеніе соціального строя киргизъ,—тогда нашъ кочевникъ, «мѣрно покачиваясь на сытомъ верблюдѣ, запоетъ и другую—веселую пѣсенку, а не ту заунывную, шемающую за сердце, какую вѣчно поетъ онъ теперь, словно плачетъ по покойникѣ», а разлившееся рѣкою довольство обезпечитъ поступленіе государственныхъ доходовъ и «край будетъ приносить не дефицитъ, а милліоны доходовъ».

Ор. Шмалевскій.